Екатерина Бакулина

16+

Случайный трофей Ренцо

Екатерина Бакулина

Случайный трофей Ренцо

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бакулина Е.

Случайный трофей Ренцо / Е. Бакулина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Он – Лоренцо Луци, военный трибун, бесстрашный герой, прошедший огонь и воду. Он возвращается домой спустя пять долгих лет, надеясь, что молодая жена все еще ждет его, скучает и помнит. У него большой светлый дом в предместьях Илоя, оливы и виноградники… и планы – пожить, наконец, спокойно в тишине. Она – пленница и военный трофей. У нее нет имени, нет семьи, она потеряла все, что у нее было. Осталось только упрямство и гордость. И жажда свободы. Он выиграл ее в кости. Случайно, в игре с грошовыми ставками. И привез домой… не зная еще, что жизнь его уже никогда не будет прежней.

© Бакулина Е., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1. Илойский трибун 5
2. Пленница 11
3. Илойский трибун 14
4. Пленница 17
5. Илойский трибун 20
6. Пленница 23
7. Илойский трибун 26
8. Лисичка 28
9. Илойский трибун 33
10. Лисичка 35
11. Хозяин дома 40
12. Лисичка 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Екатерина Бакулина
Случайный трофей Ренцо

1. Илойский трибун

Девчонку Ренцо выиграл в кости.

Хотя, выигрышем это назвать сложно, Гарпию просто сбыли с рук, возиться с ней – себе дороже. Дикая. Но настолько красивая, что Тони Мастронзо, купивший ее за бесценок еще на рынке у Иримина, не оставлял попыток укротить до сегодняшнего утра. Сегодня – она едва не перегрызла ему горло.

Теперь от красоты мало что осталось – все лицо в кровоподтеках. Обнаженное тело совсем тонкое от истощения, едва не прозрачное, все ребра видны. Руки растянуты между прутьями клетки, привязаны и запястья содраны до кости. Глаза закрыты. Клетка маленькая, здесь невозможно ни встать в полный рост, ни лечь. Тони боится ее даже сейчас.

Дикая и почти безумная, как говорили, животное, а не человек.

Но Ренцо видел больше.

Он видел отчаянье и ненависть в ее огромных глазах, но не безумие. И не страх. Решимость.

Видел, как она пела песню ветру.

Гарпия была джийнаркой, чистокровной. Тех самых чистых и древних кровей – рыжая и золотоглазая. Дурная кровь, как говорили. Но это значило, что свободу она ценила превыше всего, превыше жизни. Силой ее не укротить.

Да и не Гарпия… но как звали девчонку на самом деле, Ренцо не знал.

Зачем она ему – не знал тоже.

Знал лишь, что рабыня-джийнарка – большая ценность, если найти к ней подход.

Через неделю они будут дома… бог ты мой, спустя пять лет! На виноградники ее отправить? Если выживет. А там будет видно…

– Забирай ее! – Тони смеялся, сложив на животе толстые мягкие руки. – С клеткой ведь возьмешь? Я за клетку прошу не дорого, всего полторы тысячи лир, только для тебя, трибун. Бери, не обеднеешь.

– За девчонку ты заплатил сотню.

– Девчонку я отдаю тебе даром. Она твоя. Но хорошая крепкая клетка и спокойный сон – стоят дороже.

– За полторы тысячи можно купить хорошо обученного раба.

– Ты торгуешься, трибун? – Тони довольно и жадно ухмылялся.

– Нет, – сказал Ренцо, – не торгуюсь. Я возьму ее так. Открывай.

Тони помрачнел, потер шею, где отчетливо виднелся след от зубов.

– Не шути, трибун! Если тебе надоело жить, то мне еще не надоело. Она убьет сначала тебя, потом… Я отдам тебе клетку за тысячу.

Ренцо покачал головой.

– Мне не нужна клетка.

– Восемьсот!

– Ты теряешь хватку, Тони. Открывай.

– Э-ээ, хитрый Лоренцо! – Тони вновь неуверенно засмеялся, погрозил пальцем. – Я знаю, чего ты хочешь! Ты хочешь, чтобы я подарил тебе клетку так?! Думаешь, я испугаюсь настолько, что сделаю это? Нет. Восемьсот и точка!

Ренцо подошел и остановился у двери, давая понять, что пустые разговоры ему не интересны.

Тони нервничал.

– Семьсот пятьдесят, трибун! Только для тебя. И мои парни сами отнесут клетку к твоему шатру.

Ренцо протянул руку, ожидая ключ. Видел, как девчонка в клетке вздрогнула и чуть вытянулась, прислушиваясь, не открывая глаз.

– Что ты будешь с ней делать, трибун?

– Ты не знаешь, что делать с женщинами? Ты евнух, Тони?

Нет, Ренцо собирался сделать несколько иное, но объяснять сейчас бесполезно. Так проще.

Тони поджал губы, почти обиженно.

– С ней? Она отгрызет тебе яйца, трибун. И придется искать нового командира.

– Не придется, мы уже дома. А ты хочешь на это посмотреть? – поинтересовался он. – Давай ключи. Иначе я позову кузнеца и сломаю замок.

В конце концов, Тони сдался.

Чтобы пролезть внутрь, Ренцо пришлось пригнуться.

– Эй! – тихо позвал он. – Я заберу тебя.

Во что он ввязывается?

Девчонка не шелохнулась. Она почти висела на руках, ее держали только веревки, а ноги не держали вовсе. Тощая. Едва наметившиеся бугорки девичьей груди и впалый живот. Ребро сломано, или, по крайней мере, трещина в нем – бок посинел и припух. Разбитые губы, кровь запеклась.

– *Я заберу тебя*, – тихо повторил Ренцо по-джийнарски.

Он был уверен, что девчонка сносно понимает и илойский язык, но сейчас будет правильно говорить с ней именно так, скорее отклик.

Она не ожидала и не поверила, распахнула глаза разом. Огромные, золотые глаза на пол лица. И жгучая ненависть в них… и лишь в самой глубине, на дне, капелька удивления.

– *Ты ведь меня понимаешь?* – сказал Ренцо по-джийнарски. – *Теперь ты принадлежишь мне. Сейчас я заберу тебя с собой. Перережу веревки.*

Нельзя сказать, что он знал язык в совершенстве, но за пять лет успеваешь выучить многое. Объясниться, по крайней мере, в состоянии.

Медленно достал нож, без резких движений. Не стоит пугать, если хочешь добиться понимания.

Стоять, согнувшись, было неудобно.

– *Сначала я освобожу одну руку,* – тихо сказал он. – *Вот так… Теперь другую*.

Ее правая рука бессильно повисла плетью, но лишь на пару мгновений. Гарпия почувствовала свободу. Еще мгновение, и она бросилась вперед, что есть силы вцепившись ногтями и зубами в руку Ренцо, державшую нож. Ему стоило усилий не дернуться и не ударить ее, только замереть, пережидая.

Девчонка яростно зарычала, вгрызаясь сильнее, со всей ненавистью. Ренцо стиснул зубы – от пальцев до самого плеча пронзило острой болью. Вдох-выдох. Надолго ее сил не хватит. Нужно лишь чуть-чуть переждать, и еще немного, чтобы не дрогнула рука и голос.

Прокусила. Сквозь рубашку. На предплечье, чуть выше запястья, расползается алое пятно.

– *Ты пьешь кровь?* – холодно спросил Ренцо.

Девчонка вздрогнула, разжала зубы, резко отстранилась, словно опомнившись, вытерла губы тыльной стороной ладони. Мотнула головой.

– *Тогда зачем?* – спросил он. – *Если будешь вести себя как животное, я могу ударить тебя. Если как человек – мы сможем договориться.*

Ее глаза сверкнули ненавистью и презрением. В возможность договориться она не верила.

Но, по крайней мере, готова слушать – значит все не так плохо.

– *Теперь вторую руку,* – сказал Ренцо. – *Только давай без глупостей. Для того, чтобы вернуть свободу – нужно сохранить жизнь.*

– О чем ты говоришь с ней? – окликнул Тони. – У тебя кровь, ты разве не видишь…

Несколько тяжелых капель стекало по пальцам, падая на пол клетки. Пальцы чуть подрагивали.

– Ты думаешь, я боюсь крови? – удивился Ренцо. – А с девочкой нам есть о чем поговорить. Она обещала мне, что будет вести себя прилично.

– Она не сказала ни слова.

– Ты просто не умеешь слушать, Тони. Она хочет выжить и, однажды, темной ночью, прийти и свернуть твою жирную кабанью шею своими тонкими пальчиками. Ради мести стоит жить, не правда ли?

Ренцо ухмыльнулся.

Бросил короткий взгляд на Гарпию, успев заметить, как в уголках ее губ тоже мелькнула тень улыбки. Всего лишь тень, но даже этого достаточно. Хорошо. Она еще очень молода и ее не успели сломать окончательно.

И еще – она совершенно точно понимает илойский.

– *Сейчас я перережу веревку,* – снова на джийнарском сказал Ренцо, – *и мы пойдем.*

В этот раз она не кусалась. Затаившись, словно пытаясь понять, чего ей от Ренцо ждать. Едва не упала, колени подогнулись, ухватилась за прутья.

– *Тебе не холодно?* – спросил Ренцо. – *Сейчас…*

Сунул нож на место и быстро стянул с себя рубашку через голову. Надел на Гарпию, заставил ее, словно ребенка, просунуть руки в рукава. Она слегка опешила и почти не сопротивлялась, только руки ее не гнулись, словно деревянные. Ничего. Дело даже не в тепле, но одежда дает ощущение защиты, и это успокаивает.

И еще – на рубашке его запах и запах его крови. Гарпия чувствует, ее ноздри чуть подрагивают.

Но принимая его одежду – она, в какой-то мере, принимает его покровительство. Рубашка мешком висит на худых плечах Гарпии. В ее глазах что-то меняется, расширяются зрачки – то ли ужас, то ли надежда, не разобрать.

– *Идем,* – Ренцо поднимает девчонку подмышки, поддерживает, ведет из клетки прочь.

За дверью с наслаждением выпрямляется в полный рост, расправляет плечи. Чувствует, как Гарпия тоже пытается выпрямиться после стольких дней, вдохнуть полной грудью. Высокая. Она ведь почти одного роста с ним! Хотя Ренцо и сам совсем не маленький для человека, не дракон, конечно, но все же. Древняя кровь? Джийнарская… ургашская даже.

Он даже успевает подумать, что когда девчонка придет в себя, то с ней реально не справится… остается рассчитывать только на опыт.

Но пока – всего два шага, и она без сил падает Ренцо на руки, едва не теряя сознание, щеки белые, как снег. Он подхватывает. Такая легкая, просто удивительно. Невесомая.

– Идем, – говорит тихо. – Сейчас…

И вот так, с девчонкой на руках, идет через весь лагерь.

* * *

Когда Гильем, старый слуга Ренцо, увидел девчонку, то пришел в ужас.

– О, сеньор! Но это та… из клетки! Она дикая! Сеньор… Она же не останется здесь?

– Останется, – сказал Ренцо. – Возьми циновку, чистую простыню, одеяло, и постели здесь, у стола. Потом принеси побольше теплого молока, спроси, осталась ли утренняя каша, которую готовили для солдат. Если не осталась, скажи, чтобы сварили хороший бульон. И принеси лепешек. Потом позови врача, гильдейского, Деметри. Понял?

Гильем скривился, давая понять, что ничего хорошего он о девчонке не думает.

– Зачем ей чистая простыня, если сама такая грязная, – буркнул под нос. – Она же захочет убить вас, сеньор. Зачем? Лучше вернуть ее назад.

Но стелить бросился тут же, потому, что Ренцо так и стоял, держа Гарпию на руках. Ничего, пусть ворчит, Гильем сделает все, что ему скажут, даже больше, и все что в его силах для молодого господина… хотя, какого уж там молодого, вон седые волосы появляются висках.

– Готово. Кладите ее сюда, сеньор.

Ренцо подошел, опустился на колени и положил Гарпию на циновку, очень бережно. Ее голова чуть мотнулась, дрогнули веки. Она все слышит, но либо притворяется, либо действительно не осталось сил.

– Можешь идти, Гильем.

– Я приготовлю вам новую рубашку, сеньор.

Ренцо кивнул.

Гарпия… Как же ее зовут?

Белые щеки с россыпью веснушек, сухие потрескавшиеся губы, длинные ресницы, совсем тонкая складочка между бровей – Гарпия ждет, слушает, пытается понять, что дальше с ней будет.

Ренцо, едва коснувшись, убрал с ее лица спутанные волосы.

Она ощутимо вздрогнула от этого прикосновения, напряглась всем телом. Еще немного, и бросится.

– *Тихо, тихо,* – сказал Ренцо по-джийнарски. – *Я не трону тебя*.

Поднялся на ноги.

С девчонкой будет не просто. Сегодня предстоит долгий вечер, и еще более долгая ночь, потому, что спать не придется. Ничего, Ренцо не привыкать, это даже интересно. Последние дни пути он отчаянно скучал, теперь будет чем заняться.

Они возвращались, вокруг давно знакомые места. Теперь с солдатами вполне способны справиться центурионы, а для офицеров серьезных дел нет. Только пить, играть в кости, да тискать отборных легионных шлюх. Еще неделя, а потом его ждет дом, жена, дети и… сначала долгие празднества, потом, по крайней мере, несколько месяцев покоя.

Надеть рубашку…

Гильем оставил на стуле рядом.

Да, сначала умыться, плеснуть немного воды в лицо, смыть кровь с руки.

Ренцо повернулся к Гарпии спиной, иначе не выходило, но все время старался не выпускать из виду, по крайней мере, слушать каждый шорох.

И не услышал. Так стремительно…

Он вытер лицо, потянулся за рубашкой… реакция сработала даже не на звук, а на движение воздуха, ощущение чужого присутствия рядом. Отличная, отточенная годами родами реакция. Он успел перехватить ее за руку, резко дернул, разворачивая к себе и сам поворачиваясь к ней лицом. Успел осознать, что целилась девчонка очень точно – в шею, в артерию, и даже небольшого усилия хватило бы, чтобы убить наверняка. Это куда разумнее, чем пытаться воткнуть нож в спину. А нож его собственный, она вытащила, пока он нес ее… и не заметил, болван. Недооценил. Едва не поплатился. Лезвие чиркнуло по коже, но только царапина…

Девчонку резко к себе.

Она не вскрикнула, сдавленно охнула, закусила губу.

Больно? Слишком резко, чуть не вывихнул ей руку… ничего… но иначе бы не успел. Надавил, заставляя разжать пальцы, отобрал нож. Перехватил оба запястья одной рукой, заводя ей за спину, другой рукой крепко прижал к себе. Прижал – скорее, чтобы не упала, чувствуя, как у нее подгибаются ноги, чувствуя ее частое, сбивчивое дыхание всем телом.

Ее лицо совсем рядом. Полные ужаса золотые глаза. Попалась.

Досчитать до десяти, успокоиться.

И еще раз до десяти, потому что ощущение, что пропал голос. Проняло. Совсем немного, и отправился бы кормить червей.

Тихо кашлянул, проверяя… Нормально.

– Тебя учили убивать?

Она не ответила, только зло дрогнули ноздри. Ужас и отчаянье – хорошо. Как бы там ни было, но она не готова умирать, и ей не все равно.

Дернулась в его руках, вырваться не смогла.

– *То, что ты сделала, было очень умно и очень глупо сразу*, – по-джийнарски сказал Ренцо. – *Ты отлично вытащила нож, так, что я не заметил. Очень разумно решила перерезать горло – это легко, если понимать как. Но вот пытаться убить меня здесь и сейчас – не очень умно. Совсем глупо.*

Она слушала. Слезы блеснули в ее глазах, но удержались, не покатились по щекам. Плакать она не станет. Руки напряглись. Переступила с ноги на ногу, пытаясь устоять, но рывок отнял последние силы. Ренцо прижал ее крепче.

– *Если ты убьешь меня сейчас,* – сказал он, – *у тебя нет шансов. Тебе не выбраться живой из лагеря. Кругом солдаты, тебя поймают. Пытаться убить меня здесь можно только в одном случае – если ты сама ищешь смерти. Умереть и забрать с собой как можно больше илойских псов? Так? Пусть хоть одного? Тоже неплохо. Я сгожусь для этой цели не хуже, чем любой другой. Отчаянный и бессмысленный поступок – только смерть и ничего больше. Но подумай, в Илое у тебя будет шанс. Выждать время и набраться сил. И правильно выбранный момент стоит куда больше безрассудного геройства. Затеряться в большом городе намного проще. И вернуться домой. Ты хочешь домой?*

Почти ложь – он не позволит ей сбежать даже там.

Но это возможность выгадать время. Несколько дней, за которые может измениться многое.

Вот только готов ли он привести ее домой?

Еще есть время. И надо дожить.

У нее дрогнули губы, но она их тут же поджала. Изо всех сил постаралась выпрямиться, расправить плечи. Гордая.

– *Сядь,* – сказал Ренцо.

Почти силой усадил на стул.

Разжал руки, отпустил, отступив назад.

Взял полотенце, приложив к шее. Да, Гильем опять будет вздыхать и ворчать, что все в крови. Ничего. Крови на полотенце не так уж много, просто царапина. Сейчас остановится.

Главное, понять, что делать с девчонкой, он ведь не сможет сутками сторожить, не спуская с нее глаз.

– *Хочешь пить?* – спросил он. Налил в кружку, поставил рядом на стол. – *Бери.*

Она дернулась. Потянулась всем телом. И сразу не решилась. Облизала губы. Глянула на него вопросительно. Стиснула пальцы в кулак.

– *Пей,* – сказал Ренцо. – *Это просто вода. Я не стану отбирать у тебя, и не стану ничего требовать взамен. Не сейчас. Пока это ничего не значит. Глупо отказываться.*

Она протянула руку. Замерла. Почти минута понадобилась ей на раздумья. А потом схватила так жадно, что задрожали пальцы.

Но пила очень осторожно, маленькими глотками, все до дна, не торопясь и изо всех сил сдерживая себя. И, не удержавшись, облизала губы. Чуть судорожно сглотнула, поняв, что уже все. Поставила кружку на стол.

– *Молодец,* – сказал Ренцо по-джийнарски. – *Сейчас Гильем принесет молока и немного еды. Поужинаешь со мной?*

– Чего ты от меня хочешь? – чуть хрипло, но на чистом илойском спросила она.

2. Пленница

Он улыбался.

Легко и открыто улыбался, разглядывая ее.

Ни злости, ни страха. Она пыталась его убить, а он улыбался ей.

– Как тебя зовут? – спросил он по-илойски.

Еще недавно она была готова умереть, но не позволить им… Не подчиниться их воле. Она ненавидела илойцев, всех разом, и каждого из них – всем сердцем.

Но он ничего ей не сделал и не требовал ничего особенного… ничего не требовал.

И все же, он ничем не лучше других. Трибун, отдававший приказы, даже не простой солдат. Он тоже виноват во всем. Может, даже больше других. Он тоже убивал.

А ее имя – это просто имя, не значит ничего.

Она совсем терялась.

И под его взглядом… что-то происходило с ней.

– Меня зовут Лоренцо, – сказал он, пододвинул второй стул и сел рядом. – А тебя?

Он ждал.

У него были серые внимательные глаза, совсем коротко постриженные волосы, сильные руки… шрамы на руках. В каждом его движении, в каждом слове, чувствовалась спокойная сила и уверенность в себе. И опыт. Опыт в первую очередь. Он был взрослым, намного старшее ее… моложе отца, конечно, но все же… Взрослым.

Он так и держал полотенце у шеи. Светло-голубое полотенце, почти белое, и кровь на нем так хорошо заметна. Еще немного, и ей удалось бы, тогда бы он умер… а потом и она тоже.

Он смотрел на нее.

Лоренцо.

– Мэй, – сказала она. – Я – Мэй.

Он только кивнул, и его улыбка стала шире. Он радовался… да, пожалуй, искренне радовался, что она начала с ним говорить. Это шаг навстречу. Только имеет ли она право на этот шаг? Или это предательство – разговаривать с врагом? Дин наверняка счел бы предательством, он всегда страшно суров. А отец сказал бы, что она должна жить, и пока жива – есть шанс и есть надежда. Но отца больше нет, он предпочел умереть вместе со своими людьми, а Дин… Ищет ее? Надеется, что она смогла выжить?

Все так запуталось…

От слабости кружилась голова.

– Я бы предложил вина, – сказал Лоренцо, – но сначала тебе стоит поесть. Сейчас Гильем вернется, принесет чего-нибудь. Ты хочешь молока?

Мэй покачала головой. Она еще не решила.

– Давно ты ела в последний раз?

Давно и… сложно сказать. Первые несколько дней, как ее схватили, она ела все, что дают, надеялась сбежать, считала, что ей нужны силы. Потом поняла, что сбежать не выйдет. Пыталась отказаться от еды, но не смогла. Почти пять дней продержалась, а потом ей принесли какую-то похлебку… такой удивительный запах… она даже не успела осознать вкуса, но это было восхитительно. Потом ей приносили еду, но, как только она тянулась – били по рукам… били постоянно. Это невыносимо. Тогда она отказалась окончательно, лучше умереть, чем позволить издеваться над собой, она больше не попросит и не потянется к еде. Умереть почти вышло.

Потом ее продали на рынке. И новый хозяин, тот жирный Антонио с поросячьими глазками, он пытался кормить силой, боялся, что потеряет деньги, отданные за нее. Двое крепких солдат держали ее за руки, а третий заливал какую-то бурду ей прямо в горло. Иногда ее

тошнило, иногда просто трясло. Потом она научилась крепко сжимать зубы и яростно кусать любого, кто пытался разжать их, любого, кто подойдет. Лучше так. Она не позволит…

Тогда тот Антонио начал оставлять еду для нее на полу клетки. Но веревки на руках были такой длинны, что достать не выходило, не хватало совсем чуть-чуть. Еда была перед ней, но взять она не могла. Это сводило с ума.

И сейчас, после всего, невозможно поверить.

Казалось – это какая-то изощренная игра. И в то же время…

– Зачем? – шепнула она.

Он пожал плечами.

– Я не воюю с женщинами. К тому же, война закончилась. Хочу, чтобы ты понимала правильно – я не отпущу тебя просто так, но позволю выкупить свою свободу. Не бойся, я не стану требовать от тебя того, что ты сама не готова дать. В тебе ведь ургашкая кровь, не так ли? Ты владеешь магией?

Он смотрел на нее, чуть склонив голову на бок. Изучая. Ей казалось, он видит ее насквозь.

И Мэй испугалась.

– Нет! – поспешила она.

Слишком поспешила. Он понял, конечно, в его глазах мелькнула насмешка.

– Хорошо. Я не тороплю тебя, – сказал он. – Отдохни и наберись сил. Думаю, мы сможем найти вариант, который устроит нас обоих.

– Сеньор! – это Гильем вернулся.

Старый слуга остановился и замер на безопасном расстоянии с подносом в руках.

Лоренцо отложил полотенце, поднялся на ноги и сам подошел, взял поднос из рук.

– Спасибо, – сказал он.

– У вас кровь, сеньор! Это она сделала?!

– Не волнуйся, все хорошо. Позови Деметри и отдыхай, завтра рано вставать.

Вернулся за стол, поставил. И Мэй поняла, что не сможет устоять, отказаться от всего этого у нее не хватит сил.

Только бы он не стал издеваться над ней, не отобрал… Едва сдерживаясь, облизала губы.

– Вам что-то принести, сеньор?

– Не нужно. Иди.

В кувшинчике было свежее молоко. Лоренцо налил в две кружки. Ей и себе? Он будет есть с ней? Вот так, за одним столом?

Миска пшенной каши с морковкой. Хлеб, тминные булочки, соленые оливки, молодой мягкий сыр, немного холодного мяса и пара кусочков бисквита.

Кашу он поставил перед ней.

– Бери что понравится. Только не торопись, у тебя не отберет никто.

Спокойно отошел в сторону, надел новую рубашку, не спеша застегнул пуговицы. Казалось, он вовсе не опасался, что она бросится, но, все же, старался не спускать с нее глаз.

Взять? Молоко…

Мэй понимала, что дрожат руки. Она не может вот так…

Глупо отказываться.

Если она возьмет, а потом…

И все же, у нее хватило выдержки дождаться, пока он закончит, подойдет и сядет рядом. Не торопиться. Дождаться, пока он возьмет свою кружку первый, пока первый сделает глоток. И потом – так медленно, как только хватает сил – взять свою и отпить совсем немного. Хотя так хотелось – все разом. Но разом нельзя, ей станет плохо, она не ела слишком давно.

Этот Лоренцо старательно делал вид, что совершенно обычный ужин, отрезал себе немного сыра, положил на хлеб.

И все же… есть с ним за одним столом? Дин не одобрил бы. Дин сказал бы, что если она готова делить ужин с врагами, то тем самым предает память всех, кто погиб, сражаясь в этой войне… Дин очень гордый. Он бы не стал. Он бы смог убить и умереть, не испугался бы.

А мама сказала бы: оставь эту гордость мужчинам. Война – их дело, смерть – их дело, твое – сохранить жизнь, свою и всех, кто рядом с тобой. Ты – это любовь.

Но любви больше не осталось.

Мама умерла вместе с отцом, не пожелала оставить его…

Мэй поставила кружку на стол. Хотелось плакать.

Лоренцо жевал бутерброд, разглядывая ее.

– Что-то не так? – спросил он.

– Я не могу, – ее губы дрогнули. – Не могу…

– Не можешь есть? Тебе плохо?

Она покачала головой, изо всех сил пытаясь понять и справиться.

Честность лучше лжи.

– Не могу с тобой, – сказала тихо. – С тобой за одним столом… это не правильно. Ты убийца.

Едва удержалась, чтобы не зажмуриться, потому, что была уверена – сейчас он ударит ее. Где-то в глубине души даже хотела, чтобы он ударил. Тогда все было бы проще, тогда она смогла бы ненавидеть его всем сердцем. Тогда она нашла бы в себе силы сказать «нет».

Он не ударил, только усмехнулся. Взял свою кружку, поднялся, отошел и сел на кровать.

– Теперь мы не за одним столом, – сказал он. – Если хочешь, вместо молока я налью себе вино, ты будешь есть кашу, а я мясо и сыр, тогда мы ничего не будем делать вместе. Я могу даже подождать, пока ты доешь.

Он издевается?

Мама сказала бы: когда гордость переходит границы упрямства, она становится глупостью.

Лоренцо едва заметно улыбался. В его словах не было зла, только попытка показать ей, что она ведет себя как ребенок.

– Умирать от голода долго и тяжело, – сказал Лоренцо. – Если хочешь, я могу сломать тебе шею, и ты умрешь быстро.

Мэй поджала губы. Постаралась выпрямиться, расправить плечи.

– Нет, – сказала она, взяла молоко. – Я была не права. Ты можешь вернуться за стол… если хочешь…

Для того чтобы признать свои ошибки, нужна смелость. Будь смелой, – отец всегда говорил так.

Лоренцо засмеялся. Вернулся, снова сел рядом.

Каша была холодная, но такая вкусная, какой Мэй еще никогда в жизни не ела. Главное – не спешить.

3. Илойский трибун

Лисичка. Маленькая рыжая испуганная лисичка, в любой момент готовая ощетиниться и клацнуть зубами. Растерянная.

Маленькая растерянная девочка.

Хотя, не такая уж и маленькая, многие джийнарки в ее возрасте уже давно замужем и имеют по паре детей. Но не она. Эта лисичка из богатой семьи, видно сразу. Ее родителям не было нужды поскорее сбыть девочку с рук. Возможно, у нее даже есть муж, но дети – вряд ли. Спросить?

Какое ему дело?

У Кайо дочь почти ее ровесница… но Кайо рано женился, ему и двадцати не было… У Ренцо сыну скоро восемь, а дочери чуть меньше пяти, он ее даже никогда не видел ее, не успел. Жена красавица… Пять лет, бог ты мой…

Лисичка осторожно пила молоко.

Мэй. Имя – это уже важно.

Ренцо смотрел, как она пьет, сам задумчиво сжимая в ладонях кружку.

– Сейчас придет врач, – сказал он. – Ты, пожалуйста, дай себя осмотреть. Не сопротивляйся, не кусай его, хорошо? Он не сделает тебе ничего плохого.

Мэй напряженно сверкнула глазами.

Вряд ли она позволит, чтобы успокоиться – ей нужно время. Ничего, как-нибудь справится.

Однажды в детстве они с братом нашли лису на заднем дворе. Молодую и глупую, что не побоялась подойти близко к жилью, везде сунуть свой нос, но запуталась в старых сетях под навесом. Никак не могла выбраться.

Лино решил освободить ее. Но лиса боялась слишком сильно, пожалуй, людей больше, чем смерти. Она рвалась и кусалась из последних сил, не понимая, что ей не желают зла. Такая маленькая и такая отчаянная. Лино было девять, Ренцо пять. Можно было позвать взрослых, но Лино все хотел делать сам, и никогда не отступал от задуманного.

Лиса изорвала ему все руки, но Лино не плакал, только кусал губы, когда врач накладывал швы.

Потом лиса убежала. А Лино остался, и тогда страшно гордился своим поступком, видел себя героем, спасителем, а Ренцо еще больше гордился братом.

Сейчас…

Вот она – его лисичка.

Смешно.

Сейчас все иначе.

Сейчас гордиться ему нечем, как бы ни поступил.

* * *

– Трибун! Что ты творишь? На тебя уже жалуются.

Легат был огромный, как и все драконы, стоило ему войти – в шатре сразу стало тесно. И еще теснее стало, когда вслед за легатом вошел представитель Гильдии с охраной.

Ренцо бросил короткий взгляд на Мэй.

– *Сиди, все хорошо*, – тихо сказал он по-джийнарски.

Поднялся на ноги.

– Кто жалуется? – громко спросил он.

– Тони Мастронзо. Говорит, ты освободил девчонку, а девчонка опасна.

– Тони жадный трус, Тэд, ты же знаешь его. Он хотел продать мне клетку, и теперь недоволен. За девчонкой я прослежу сам. Под мою ответственность.

Почти непроизвольно он шагнул вперед и в сторону, закрывая Мэй собой. Она не двинулась.

Легат криво ухмыльнулся.

– Она чистокровная джийнарка, трибун, посмотри на ее глаза. И я бы не советовал поворачиваться к ней спиной. Это она порезала тебе шею? Не пытайся скрыть, на воротнике все равно осталось пятно. Хочешь развлечься? Поиграть с ней? Играй… Я верю в твои силы, верю, что ты можешь не спать, не срать, не отходить от нее ни на шаг до самого Илоя, да и потом тоже. Но парни волнуются. Если не хочешь сажать ее на цепь, то крайне советую нанять хорошую гильдейскую охрану, даже не своих волков, и поставить у шатра, пусть сторожат, всем будет спокойнее. Но клетка обойдется тебе дешевле.

Отказаться нельзя.

Ренцо прекрасно понимал, что на территории военного лагеря распоряжается не он, и слово легата – закон. И дело даже не в девчонке, а в самом Ренцо. У Тони с ним старые счеты. Да и не только у Тони.

Отступать поздно.

– И во сколько обойдется?

– Две тысячи.

Он потер подбородок.

– Я надеюсь, это полная цена до самого Илоя?

– А если бы я сказал, что это плата в день? – хмыкнул легат. – Каждому из трех твоих новых охранников. Что бы сделал?

– Я бы поторговался, – сказал Ренцо.

* * *

– Ты дорого мне обходишься, – тихо сказал он, садясь рядом на корточки, поправляя одеяло.

Гильдейскому врачу отдал семь с половиной.

Гильдейские врачи не то, что свои, за их услуги приходится платить баснословные деньги, но и медицина их на грани магии, не для простых людей. У своих – сушеные корешки, пиявки да припарки, от которых если пациент не помер сам, то, значит, очень хотел жить. В Гильдии все иначе. Другой мир, другие правила…

И дело даже не в деньгах, Ренцо вполне мог себе это позволить…

После лошадиного укола снотворного Мэй лежала, раскинув руки, запрокинув голову, по подбородку текла капелька слюны. Безвольно. Беспомощно.

Сначала Ренцо отказывался от снотворного для нее, хотя эта лисичка напряглась и зажалась сразу. Сразу и надо было, к чему тянуть. Но пока дело касалось синяков, разбитого лица и трещины в ребре – еще можно было справиться.

Деметри велел снять с нее рубашку, поставить на ноги и подержать руки. Это, как раз, понятно. Глаза Мэй были полны ужаса, она тряслась мелкой дрожью и ощутимо вздрагивала от каждого прикосновения латексных медицинских перчаток. И еще больше от мелких уколов под ребра – что-то там для скорейшего восстановления… Ренцо держал ее сзади, фиксируя руки, стараясь не слишком давить, но достаточно крепко, чтобы она не могла вырваться.

Это всего лишь врач, она понимала.

На лице Деметри застыла брезгливость. Но Ренцо платил достаточно, чтобы эту брезгливость побороть.

– Внутренних повреждений нет, воспаления нет, – сказал гильдиец, – а отек скоро прошел бы и сам, без моего вмешательства, у нее регенерация не хуже, чем у волков-оборотней. Ей хватило бы отдыха и нормального питания, но так завтра утром будет в хорошей форме. Если хотите, я могу временно снизить ее реакции и активность, для более спокойной транспортировки в Илой. Потому, что иначе – сил у нее прибавится, а ее действия и так непредсказуемы.

Ренцо покачал головой – не нужно. Он справится сам, он заплатил охране… да, если вдруг понадобится, то он непременно обратится, пришлет Гильема.

Даже зубы посмотреть кое-как вышло, хотя когда Мэй заставили разжать челюсти, на ее глазах выступили слезы. Но она держалась, и Ренцо крепко держал ее.

– А еще стоило бы проверить на наличие половых инфекций, – сказал Деметри. – Ее насиловали и не раз, могли занести, могли травмировать. Не смотрите на меня так, Лоренцо. Вы же сами решили позаботиться о ее здоровье, а этот аспект очень важен, как для самой девочки, так и для вас самих, или, возможно, ваших друзей, домашних слуг. Вы же купили ее для дома, а не для хозяйственных работ?

Ренцо буркнул было, что то, для чего он ее купил, Деметри не касается… но по существу возразить было нечего. Да, проверить нужно, вылечить, и чем раньше, тем лучше, он для этого врача и позвал… для того, чтобы Мэй была здорова. Обычный осмотр. Но как ей-то это объяснить?

На глазах девочки выступили слезы.

Когда ее попытались положить на стол, она закричала и забилась так, что Ренцо сдался. Лучше снотворное. Надо было сразу, он не оценил… Что он вообще понимает в женщинах?

Теперь Мэй спит, и будет спать до утра.

А вот ему самому не поспать. Что делать, если она проснется, а он не увидит?

Зажег масляную лампадку, взял… «Жизнеописания» Плутарха, что ли… первое, что подвернулось. Скоротать время.

Велел Гильему принести побольше кофе.

А Мэй спала, тихо постанывая, вздыхая, переживая что-то во сне…

«Дорого обходишься», да. Но дело не в деньгах. Дело в ответственности.

4. Пленница

Мэй проснулась еще до рассвета, но долго лежала, прислушиваясь.

Такая легкость во всем теле, просто удивительно. Она уже и не помнила, когда так было. Ничего не болело.

Только в душе… даже не понять…

Лоренцо сидел за столом, задумчиво писал что-то… или даже, скорее, рисовал, Мэй было не видно.

Он не спал всю ночь?

Мэй старалась лежать тихо, не шевелиться, но он услышал.

– Доброе утро, – сказал он, не поднимая глаз от своих бумаг. – Хорошо, что ты проснулась, я уже собирался тебя будить. Нам скоро в дорогу.

Притворяться бессмысленно. Мэй села, натянув одеяло до самого носа, завернувшись в него. Рубашка снова была на ней, но почему-то именно сейчас, с утра, она чувствовала себя особенно голой и беззащитной. Вчера такие мелочи не волновали ее, вчера ей было слишком плохо.

Голой и грязной.

Брезгливость на лице того врача…

Это всего лишь врач, то, что он делал – его работа. Истерика прошла, и вот так, проснувшись в теплой постели, было немного стыдно. Хотя мысль о том, что кто-то может осматривать ее снова – вызывала дрожь. Но теперь, наверно, уже не будет? Ей нужно немного времени… Да, еще немного, и она поймет, что делать теперь.

Ребра больше не болели и можно спокойно вздохнуть. Мэй осторожно потрогала бок под одеялом.

– Как ты? – спросил Лоренцо.

Обычный вопрос, как «доброе утро», но вдруг пробрало почти до слез. Мэй сжала зубы. Так нельзя, она слишком расслабилась.

– Хорошо, – тихо сказала она.

– Хочешь кофе? – предложил Лоренцо. – Гильем принес мне, но я еще не пил. Хочешь, пока горячий? И булочки… тоже горячие, вкусные. Иди, садись.

Он пододвинул ей второй стул, сам чуть подвинулся к другому краю стола, собрал и сложил стопкой свои бумаги. Поставил ей ближе чашку кофе и булочки.

Запах умопомрачительный, Мэй только сейчас поняла, как сильно хочет есть.

– А ты? – она спросила совсем не потому, что думала о нем, а просто выгадать время…

– Я выпил три чашки за ночь, – сказал он. – Думаю, мне хватит. Иди… Ты любишь кофе? Пила когда-нибудь?

Мэй невольно улыбнулась. Но ведь да, Джийнар не Илой, кофе там редкость…

Мама любила с молоком и корицей, а отец вот так же – черный, и вот так же, когда Мэй заходила к нему по утрам…

Нельзя думать об этом сейчас.

– Иди, попробуй, – позвал Лоренцо, расценив по-своему. – Если тебе не понравится, я попрошу принести чая или молока, как захочешь.

– Я люблю кофе, – сказала она.

– Да? – он, кажется, чуть удивился. – Хорошо. А варить его умеешь?

– Варить? – Мэй растерялась. И Лоренцо весело улыбнулся ей.

Варить кофе она не умела.

– Не волнуйся, я тоже не умею, – сказал Лоренцо. – Но Гильем готовит кофе просто отлично. Попробуй. А потом… тут рядом речка. Обычно, если есть где, я хожу купаться по утрам. Ты не хочешь? Я дам мыло и полотенце.

Полжизни бы сейчас отдала, чтобы помыться! Даже больше, чем за чашку кофе с булочками.

– Да, – тут Мэй не сомневалась.

– Отлично. Тогда можешь немого перекусить, потом на речку, а потом позавтракать нормально, и в дорогу.

Кофе…

Мэй вылезла из-под одеяла, и тут же… Только теперь внезапно поняла, что рубашка коротковата, едва-едва прикрывает ее… и голые ноги… Глянула на Лоренцо. Нет, он совершенно спокойно смотрел на нее, ей в глаза, а вовсе… Смутилась. Стащила со своей постели простыню и завязала на талии как юбку. И только тогда села за стол.

Потянулась за чашкой… Ногти у нее черные, такие страшные… и руки.

– Хочешь орешки в сахаре? – предложил Лоренцо, пододвинул ей мисочку.

* * *

– Держись ближе ко мне, – велел Лоренцо. – Пока мы идем по лагерю, не пытайся делать и шага в сторону, иначе, это может быть расценено неверно. Вон, видишь, за нами идет охрана Гильдии. С автоматами. Ты видела когда-нибудь такое оружие?

– Видела, – сказала Мэй, сердце сжималось.

Что могут мечи и луки Джийнара против автоматов? Впрочем, в Илое такого оружия тоже нет, только у Гильдии. Но Гильдия не ведет войн и ни в чьи дела не вмешивается. По крайней мере – формально. И все же, Илой всегда мог договориться с Гильдией, а вот Джийнар – нет.

И сейчас Мэй отлично понимала, что если она побежит – они будут стрелять. Одно неверное движение, и все. Это легкая смерть. Но стоит ли того?

Лоренцо чуть-чуть пропускал ее вперед, словно пытаясь прикрыть от автоматчиков, идущих сзади. Или это уже фантазии?

Небо ясное-ясное, розовое на востоке, солнце встает. Еще туман вдали.

Речка небольшая, но для того, чтобы помыться – хватит.

Холодная. И все же, это лучше, чем ничего.

– Конечно, можно было попросить Гильема натаскать воды, погреть, и мыться в палатке, – сказал Лоренцо, – но, если тепло, мне нравится так. Скоро добреемся домой, и там будет горячая вода постоянно.

Домой…

Сможет ли она когда-нибудь вернуться?

Дин ищет ее, она спрашивала у ветра. Дин знает, что она жива и ищет! Обязательно найдет. Сейчас у него хватает других дел, но он не бросит.

По-прежнему уже никогда не будет.

– Когда искупаешься, надень вот это, – сказал Лоренцо, положил рядом на траву. – Одежда мужская и не новая, но чистая. Так, в дороге, тебе будет удобнее.

Мэй кивнула.

Раздеваться?

Лоренцо сам сел на траву, принялся было расшнуровывать ботинки. Потом глянул на Мэй.

– Давай сделаем так, – сказал он, – если ты пообещаешь не пытаться сбежать во время купания, то можешь спокойно идти одна, я останусь на берегу, не буду тебе мешать. Гильдейцы следят все равно.

– Просто пообещать? – удивилась Мэй.

– Я ведь могу верить твоему слову?

Она закусила губу, раздумывая.

– А если нет? – спросила осторожно.

– Тогда я сейчас тоже разденусь, и буду рядом, на расстоянии вытянутой руки, не дальше. Если что, я успею тебя поймать.

Он серьезно смотрел ей в глаза. Ждал ответа.

Убежать ей все равно не дадут. Наверно, можно нырнуть, попробовать проплыть под водой… Она сможет?

Мэй не сразу осознала – но если она не станет обещать, то он будет рядом в воде, голый мужчина в шаге от нее… он же не полезет в реку в одежде. Внезапно поняла, что начинает краснеть.

Он прав, в Илое сбежать будет куда проще, за ней ведь не могут следить постоянно, охрана Гильдии только в дороге.

– Я обещаю, что не попытаюсь убежать, – сказала Мэй.

– Хорошо, – сказал Лоренцо. – Но, прости, смотреть за тобой я буду все равно. Не стану отворачиваться.

– Смотри, – пожала плечами Мэй.

Нужно просто отвернуться самой и представить, что она одна. Чужие взгляды не ранят и не приносят вреда. Гильдейцы тоже будут смотреть. Ей все равно. Взглядов она не боится.

Мэй повернулась к реке.

Развязала и бросила на песок свою юбку из простыни. Не торопясь расстегнула рубашку и бросила рядом. Взяла мыло, которое Лоренцо положил рядом с новой одеждой.

Течение было быстрое, вода обжигала ноги. Но как же приятно, все равно!

Не смотреть…

Но совсем не смотреть у нее не хватало сил.

Изредка бросая взгляды, она видела, как Лоренцо, закатав штаны до колен, бродит по самому краю воды, чуть загребая ногами песок… как мальчишка. Он бы, наверно, хотел искупаться тоже, но держит слово…

5. Илойский трибун

– Да она красавица! – легат смеялся. – Уже успел отмыть ее! Гляди-ка… У тебя всегда было чутье на красивых женщин!

– Завидуешь? Жалеешь, что не додумался сам?

– Да, признаться, уже жалею, – сказал легат. – Я присоединюсь к вам, если не возражаешь? Я тоже еще не завтракал.

Ренцо пожал плечами,

– Садись, Тэд. Стулья вон там, возьми себе. Гильем! Принеси еще приборы лорду Эдварду!

Они сидели под открытым небом, завтракали, пока складывали шатер и собирали вещи. Сейчас снова в дорогу.

Легат взял в стороне раскладной стул, поставил рядом, сел, вытянув длинные ноги. Разглядывая Мэй почти по-хозяйски. Мэй только чуть выпрямилась, делая вид, что все это ее не касается, спокойно отрезала кусочек яичницы в своей тарелке, положила в рот. Такая выдержка воспитывается годами, и такие манеры. Не каждая благородная дама в Илое может так безупречно держаться за столом. Кто бы мог подумать.

Гильем принес Тэду приборы.

– Не боишься давать своей Гарпии нож? – весело поинтересовался тот.

– Быть зарезанным столовым ножом – бесславная смерть, – сказал Ренцо. – Но, думаю, вилкой – было бы еще неприятнее. Если не по себе, то можешь постоять в сторонке.

Тэд засмеялся.

– Зачем она тебе, Ренцо? Ты с ней не справишься.

– Она мне нравится.

Тэд хмыкнул, налил себе сока апельсинового в стакан, поднял, чуть погрел в ладони, словно коньяк. Глянул на Ренцо.

– Нравится? И все?

– Этого вполне достаточно.

– Как женщина? Ну, тут я, конечно, понимаю тебя… А твоей жене вряд ли понравится. Тебя выгонят из дома вместе с этой девчонкой.

– С женой я как-нибудь разберусь, не волнуйся. Чего ты хочешь?

Тэд отпил сока и чуть заметно скривился.

– Продай мне ее, – сказал он.

– Нет, – сказал Ренцо.

– Почему? Она досталась тебе случайно, ты ее не хотел. Ты с ней не справишься, посмотри на нее… Ты ведь, наверняка, не спал ночью, и вовсе не от того, от чего мужчина не спит рядом с женщиной. Долго продержишься? А я хорошо заплачу за нее.

– Нет. Нужно было покупать ее у Тони, он бы продал с радостью. И даже клетку бы к ней продал.

На вчерашнюю грязную и замученную Гарпию легат даже не смотрел. Не удивительно. Сейчас даже поверить сложно, не узнать. Конечно, она все еще страшно худая и напряженная, но щеки порозовели и огнем горят глаза. У нее молочно-белая кожа с россыпью веснушек, тонкий нос, высокие скулы… ресницы такие длинные и черные. А волосы рыжие-рыжие, лежат волнами по спине.

– Думаешь, она благородных кровей? – сказал Тэд. – Хочешь найти родню и получить за нее выкуп? За такую можно получить много… А? Кто ты, красотка?

Мэй подняла на него глаза, встретившись взглядом.

– Никто, – твердо сказала она.

– Да? – Тэд удивленно поднял бровь, ухмыльнулся, и взгляд, все же, отвел первый. – Она не хочет домой, Ренцо. А кто твои родители, девочка? Как тебя зовут?

– Мои родители умерли, – сказала она, спокойно и ровно.

– Сирота? И никто тебя дома не ждет? Печально… – сказал Тэд. – Может, и правда так… Сбежала из дома? Увязалась за каким-нибудь красавцем, который наобещал тебе любви до гроба, обесчестил и бросил в полях? И теперь стыдно смотреть в глаза родным? Так? Или твой жених тебя не уберег?

Мэй чуть вздрогнула, Ренцо видел, как это задело ее. Правда? Зрачки чуть расширились. Она молчала, глядя легату в глаза, и в ее глазах, золотых, была холодная ненависть.

– Хватит, – сказал Ренцо. – Война едва закончилась, погибли многие. Она действительно могла остаться одна. Не лезь к ней.

– Тебе не интересно, кто она? – удивился Тэд. – Это может быть важно.

– Может быть.

– Родне ты ее вряд ли продашь.

– Оставлю себе.

Тэд покачал головой.

– Сколько ты уже отдал за нее? За все? Тысяч десять? Да тут целый гарем купить можно, и развлекайся вволю. И ведь наверняка придется еще. Хочешь, я дам тебе за нее двадцать?

– А тебе она зачем?

– У меня есть кое-какие мысли.

– Мысли у меня тоже есть, – Ренцо отложил приборы и поднялся на ноги. – Ты закончил, Тэд? Можешь доесть, если хочешь. А нам пора собираться. Мэй, идем.

Она поднялась очень быстро, не пытаясь возражать. Быстро, но изящно, одним движением.

– Мэй, да? – легат широко ухмылялся. – Имэйдаль?

Она вытянулась и замерла. Но ведь просто имя. Мало ли таких в Джийнаре? Да каждая пятая – Имэйдаль, «Лисичка».

– Пойдем, – Ренцо взял ее за руку и потащил прочь. Она не сопротивлялась.

Рискованно…

– Стоять! – рявкнул легат. – Я еще не закончил разговор, трибун!

– Тогда давай закончи его сейчас, – сказал Ренцо.

– У тебя отвратительные манеры, трибун, – Тэд откинулся на спинку стула, чуть склонив голову на бок. – И совсем беда с субординацией. Был бы ты хоть реально знатного рода, а то так… Не зарывайся. Здесь распоряжаюсь я.

– Я учту, – сказал Ренцо.

Он вел Мэй за руку. Подальше… К лошадям. И хватит.

Солдаты уже строились в поле, вещи почти собрали.

– Ты поедешь со мной, – сказал Ренцо. – В одном седле. Вариантов не много. Если в повозке, вместе со слугами, то придется крепко связать тебя, чтобы никаких глупостей, и мне не приходилось отвлекаться в дороге. Или ты могла бы идти рядом, но тогда тоже придется следить. Так что в седле лучше всего.

Она молчала.

Щеки совсем бледные.

Возможно, легат в чем-то прав.

– Не хочешь рассказать о себе? Кто ты и откуда. Возможно, тебя на самом деле выгоднее вернуть домой?

Что-то сверкнуло в ее глазах. То ли слезы, то ли ярость. Ее рука в его руке напряглась, но дергаться и вырываться она не стала. Ренцо выпустил сам.

– Нет, – твердо сказала Мэй. – Я сирота. У меня никого нет.

6. Пленница

Ей до сих пор казалось, что она чувствует прикосновение его пальцев на своей руке… теплых, сильных… Так странно…

Ренцо посадил ее на лошадь и запрыгнул сам.

Ее спина касалась его груди и живота, и… Мэй даже попыталась отодвинуться, но отодвигаться было некуда.

– Сиди спокойно, не ерзай, – сказал он.

Его дыхание у самого уха.

Руки Лоренцо почти обнимали ее, держа поводья.

Деваться некуда. Но Лоренцо не делал ничего такого, просто сидел рядом, даже сам старался поменьше касаться ее, насколько это возможно. Но это сейчас… Не то, чтобы она ему доверяла, но пока не было повода… Мэй терялась и не могла решить.

Немного радовало, что Лоренцо одет теперь по всей форме, еще и строгий темно-синий сюртук с трибунскими нашивками, застегнутый на все пуговицы – это добавляло чуть больше расстояния между ними, пусть и формально. И портупея… рукоять меча ощутимо задевала ее бедро, напоминая…

Но связанной, в повозке со слугами, пожалуй, еще более унизительно. Так, по крайней мере, верхом… Вместе с врагом. Она просто пытается найти оправдание своей слабости. Совсем недавно она была готова умереть, но лишь чуть-чуть отпустило, и возвращаться в клетку было невыносимо страшно.

Мэй пыталась представить, что сделала бы ее мама на ее месте, и не могла. Наверно, просто не могла представить маму рядом с чужим мужчиной. Не могла представить маму связанной и избитой.

«Скачи и не оглядывайся», – сказал ей отец на прощание. Ее вывели из крепости тайными путями. «Ты должна жить, не бойся ничего. Если твой брат уцелеет в этой бойне, он найдет тебя».

Найдет. Возможно, проще всего было бы назвать легату свое имя, но это сразу поставит Дина под удар. Это даст им шанс надавить на него, а ему и так сейчас нелегко. Мэй не позволит.

– Ты хорошо держишься в седле, даже без стремян, – тихо сказал Лоренцо.

Они ехали мимо строящихся рядов, когорта за когортой отправляющихся в дорогу. Лоренцо говорил с центурионами, солдатами, другими трибунами, префектом… Мэй не всегда понимала, кто из них кто, от нашивок и золотых орлов рябило в глазах. Лоренцо говорил и вел себя так, словно был один, словно Мэй не было рядом – только о делах, пропуская мимо ушей все соленые шуточки. И даже на совсем уж прямые вопросы отвечал уклончиво, что «все как надо». Мэй краснела. Хотя тоже старалась держаться, держать спину и невозмутимое лицо, но щеки пылали.

Не стоило. Лучше в повозке… Но теперь уже поздно что-то менять, все видели. В следующий раз она будет умнее.

Лагерь собрали, легион тронулся, Лоренцо перебрался в начало колонны.

Он держался чуть в стороне, не разговаривая больше ни с кем дороге… светило солнце… лошадь – огромная черная кобыла, мерно покачивалась… Мэй и не заметила, как начало клонить в сон.

Проснулась внезапно, и так же внезапно поняла, что ее крепко обнимают чьи-то руки. И чей-то подбородок у ее носа, совсем близко. Вскрикнула, резко дернулась со всей силы. Только потом поняла…

Лошадь, испугавшись, всхрапнула, едва не встав на дыбы, едва не сбросив, затанцевала на месте. Но он удержал. И лошадь, и Мэй, едва не вылетевшую из седла.

– Тихо, тихо, ты чего?

Она выпрямилась, и он отпустил, убрал руки. Да она просто уснула у него на груди, а он поддержал, чтобы не упала. Стало стыдно.

– Сон приснился, – буркнула виновато.

– Ничего страшного, – сказал он, потер ушибленный подбородок, по которому Мэй успела заехать в панике. – Ты только постарайся больше так не дергаться, а то мы с тобой вместе с лошади полетим.

– Хорошо, – сказала она. – Прости. Я никогда раньше не засыпала в седле.

– Вчера Деметри сказал, что после усиленного восстановления может пару дней немного клонить в сон, это нормально. Нужно просто хорошо выспаться, и потом пройдет. А тебе и так нелегко пришлось. Если что, ты спи, не бойся, я держу тебя, и дорога пройдет быстрее.

Дорога…

– А что потом?

Мэй впервые, за столько недель, могла думать о будущем.

– Потом? Вечером мы остановимся, разберем палатки. Будет все так же, как и вчера.

И он просидит всю ночь за столом, сторожа ее?

– Потом – в Илое.

– Потом… лучшим вариантом, на самом деле, было бы вернуть тебя родственникам, это обычная практика. У тебя действительно никого не осталось? Дяди, тетки, братья, муж, может быть?

– Муж?

Лоренцо пожал плечами.

– Ты уже взрослая, почему нет? Джийнарки рано выходят замуж. Сколько тебе? Если есть хоть кто-то, кому ты не безразлична, я готов тебя вернуть.

– За выкуп, – фыркнула Мэй. Отчего-то это злило ее.

– За выкуп, – согласился Лоренцо. – Я прилично отдал за тебя, и хотел бы, по крайней мере, возместить убытки. Ты считаешь, это не справедливо?

– Справедливо, – согласилась Мэй. – Зачем ты делаешь это? Ради денег?

– Денег у меня достаточно, я могу себе это позволить, даже просто так. Делаю, потому, что это кажется мне правильным, только и всего. Мне не нравится, когда с людьми обращаются как с животными. Так вышло, что ты попала ко мне в руки, и теперь я отвечаю за тебя. Что, по-твоему, мне стоило сделать? Оставить тебя в клетке? Дотащить до Илоя и увидеть, как ты умрешь от истощения? И какой в этом был бы смысл?

Лоренцо говорил так спокойно, словно о вещах, которые не могут вызывать сомнений. Словно иначе и нельзя было.

Но ведь другие поступали с ней иначе.

Какой смысл?

– Не знаю, – сказала она.

– Ну, так как? Может быть, ты вспомнишь кого-то из родственников? Я не тороплю, ты можешь подумать. Если не муж, то, может быть, жених? Человек, который хотел бы снова увидеть тебя.

Жених. Тарин.

Но нет, она не готова сейчас. Если о ней станет известно Тарину, то станет известно и брату. Нет.

– У меня никого нет, – сказала Мэй.

– Хорошо, – сказал он. – Если тебе некуда идти, то есть другой вариант. Домашней прислугой тебя вряд ли удастся сделать, поэтому я планирую отправить на виноградники. У меня

плантации под Алерой, недалеко отсюда, и, если у тебя действительно есть какие-то способности и связь с землей, ты могла бы принести пользу… Хорошее вино всегда ценится. А через несколько лет смогла бы выкупить свою свободу, я готов даже сразу заключить договор. А потом – решай сама.

Виноградники и работа природной с магией. Если другого выбора нет, то это, пожалуй, не самое страшное. Если бы только все действительно было так.

Мэй кивнула – она будет знать.

– Но все же, – сказал Лоренцо, – я слышал, как ты поешь песню ветру. Ты звала кого-то. Мужчину. Мертвых не зовут. Подумай, позвать можно иначе.

7. Илойский трибун

Ужинали в шатре, молча.

Что-то шло не так.

Лисичка. Имэйдаль… Да сколько их, таких лисичек? Джийнарская кровь… Это детское, домашнее имя, но официальное она назвать не хочет. Боится? Пытается защитить?

Кого может защитить эта девочка?

У нее тонкие нежные пальчики, несмотря ни на что. Веснушки на носу.

Когда он снимал ее с лошади… поймал, поставил на землю, и едва нашел в себе силы отпустить. Невыносимо. Она замерла в его руках, поджав губы, глядя в сторону. Отпускать ее не хотелось, хотелось прижать к себе и целовать. Близость сводила с ума. И невозможность, неправильность этого – пронзала острой болью в висках и где-то под ребрами. Ослепляя.

Не сейчас.

Ренцо боялся спугнуть ее. Одно неверное движение – и ненависть в глазах.

А ненависти он не хотел, и так хлебнул с лихвой. Теперь хотелось тепла и мира.

Устал.

Уходя из Джийнара, они оставляли за собой выжженные поля.

Не победа – мир. Спустя пять долгих лет. Мир на условиях Илоя, но все же не победа. А ведь казалось, уже все решено. Они прошли все до конца, захватили Лааш, крепость в Этране, оборонявшуюся до последнего – всю осень, всю зиму и всю весну. Взяли крепость. Ренцо казалось, он может гордиться, это его победа и его слава! Там, в Этране, по большей части, руководил он, Тэд уехал решать другие важные дела. Казалось, все безнадежно, но они взяли. Казалось – это последняя точка в войне.

Она и была последней.

Потому, что Юттар, молодой эмир Джийнара, договорился о чем-то за их спинами с Гильдией, и Гильдия велела уходить. Тэд, вероятно, знает о чем, но Ренцо не докладывали. Его просто похлопали по плечу и сказали, что он молодец, и что кровь, пролитая в Этране, была пролита зря – они договорились без него. Джийнар будет платить дань, часть земель до южного течения Тайруски переходит Илою, много всего переходит. Но илойских солдат не должно остаться на джийнарской земле.

Солдатам тогда выкатили вина, сказали, что Джийнар побежден, идем домой, и все шлюхи Илоя уже ждут с распростертыми объятьями своих героев.

Шлюхи ждут, но только в сердце – пустота.

Ренцо напился тогда вхлам, впервые за те пять лет. Едва не подрался с легатом.

К черту.

Домой, так домой.

Он солдат, договоры о мире – не его дело.

Его ждет жена и виноградники. И к черту.

Уходя, они, со злости, выжгли все за собой, оставляя степи Джийнара пустыми. Лишь пепел и камни.

И гроза в небе. Молнии. Молнии не оставляли их до самой границы. Иногда казалось, древние джийнарские боги спустились с небес, вот-вот покарают. Казалось, это боги Нижних гор договорились с Гильдией. До Джийнара никто не верил в этих богов… а там, в Этране, многие уже сомневались.

Но, скорее всего, дело решили чьи-то деньги, как бывает всегда.

На ярость больше не осталось сил.

В какой-то момент стало почти все равно.

Хотелось покоя, вина и женщин. Но только чтобы любили, а не дрались. Тепла.

Когда эта лисичка заснула у него на груди… устала, пригрелась, укачало ее, и чуть не соскользнула. Он успел подхватить и осторожно обнял. Она безотчетно уткнулась носом ему в шею.

Ехал бы так и ехал.

Возможно, ее семья погибла от его руки. И почти наверняка – по его приказу, или приказу такого же, как он.

Возможно, то, что он делает – лишь попытка заглушить совесть. Пепел и камни. Они уходили слишком нехорошо.

У нее нет причин ему доверять.

Гильем принес кофе, покосился неодобрительно. Ему – кофе, ей – чай с медом и чабрецом. И имбирное печенье.

– Ты будешь сторожить меня? – спросила Мэй.

– Да, – сказал он. – Буду. Ты спи. Попей чаю и ложись спать, я посижу, почитаю. Хочешь, на мою кровать, там мягче и удобнее, я все равно не буду спать.

Она смутилась.

– Не красней, – сказал Ренцо. – Если мне придет в голову, я одинаково легко могу залезть как в твою постель, так и в свою, никакой разницы. А спать лучше на кровати, чем на земле.

– Я привыкла на земле, – сказала Мэй упрямо. – Но тебе в голову ведь такое не придет?

Почти смешно и очень наивно.

– Не придет, – сказал он. – Обещаю тебе.

– Никогда?

– Никогда. Если ты только сама не захочешь.

– Никогда… – тихим эхом отозвалась она, уши порозовели.

Девочка, не смотря на все, что случилось с ней. Слишком быстро…

Хотелось спать, а спорить не хотелось совсем. Как долго он продержится без сна? Вторую ночь еще ничего. А потом?

Но есть вещи, которые нельзя доверить никому, даже гильдейской страже, что ждет снаружи.

– Ты можешь спать. Я не трону тебя во сне и не попытаюсь бежать, – щедро пообещала Мэй. – Ты прав, здесь, в лагере, это глупо. Я подожду до Илоя.

– Подождешь? А там убьешь меня?

– Может быть, – Мэй чуть улыбнулась. Ее золотые глаза все больше оживали.

– Договорились, – Ренцо потянулся в кресле, взял кружку.

Кофе немного горчил. Предстоит долгая ночь.

8. Лисичка

Она долго вертелась в своей постели и не могла уснуть. Уже далеко заполночь, утром рано вставать.

Тускло горела лампадка. Лоренцо сидел за столом, так сосредоточенно.

Сначала Мэй не могла понять, что он делает, слышала тихие звуки, то ли хруст, то ли… не понять. И запах свежей стружки.

Ей ведь нет дела до всего этого?

Но покоя тоже нет.

– Мэй, я не мешаю тебе? – окликнул он.

– Нет, – сказала она. Села, обхватив колени руками. – А что ты делаешь?

Он улыбнулся.

– Иди сюда, посмотри. Ты все равно не спишь.

– Сплю, – не согласилась она.

Он тихо засмеялся.

– Я вижу. Иди.

Глупо отказываться.

Мэй поднялась на ноги. И только поднявшись, поняла – Лоренцо вырезал что-то из дерева. Фигурка почти полностью скрыта в его ладонях, только любопытный нос торчит.

– Сейчас, – сказал он, серьезно правя крошечные ушки. – Я уже почти закончил.

Нож у него специальный, треугольный, маленький и еще несколько, разной формы, стружка вокруг, рядом нарисованная на бумаге лисичка с таким же носом и ушками – чудеса! Пальцы быстро уверенно скользят по фигурке, нож снимает лишнее.

Глаза лисичке он вырезает в последнюю очередь, словно бусинки.

Мэй наблюдала заворожено, почти не дыша. Подошла поближе.

Наконец, Лоренцо смахнул последнюю стружку, дунул. Поставил лисичку на стол, прямо перед Мэй.

– Вот, – сказал он, улыбаясь. – Возьми.

Мэй заворожено взяла. Как не взять? Вот уж не думала, что илойский трибун способен на такое.

Лисичка была маленькая и словно живая, теплая – еще хранящая тепло его рук. Она сидела, склонив голову на бок, чуть вытянув шею, уши торчком. Такая любопытная, серьезная, слегка настороженная.

– Похожа? – довольно спросил Лоренцо.

Мэй сразу не поняла.

– На тебя похожа? – спросил он. – Как думаешь?

Мэй поджала губы и быстро поставила лисичку обратно на стол.

Смутилась. Но похожа… Да, Мэй поймала себя на том, что сейчас даже смотрит точно так же – внимательно и настороженно. Лоренцо уловил очень точно.

– Можешь взять себе, – сказал он.

– Нет.

Никаких подарков ей не нужно, даже таких.

– Как хочешь, – он пожал плечами. – Тогда дома отдам Виоле, может, ей понравится.

– Виоле?

Он тихо вздохнул.

– У меня маленькая дочка, Виола, ей скоро пять лет.

Все еще улыбка на губах, но чуть грустная, и глаза…

– Ты любишь ее?

Зачем она такое спрашивает?

– Я ее никогда не видел. Я пять лет не был дома, Мэй.

Что-то скользнуло в его голосе… Боль? Пять лет – это очень долго.

Мэй и не заметила, как села рядом, подперев подбородок кулаком. Хотелось что-то сказать, но что – она не знала. Осторожно погладила лисичку пальцем.

– Ты скучаешь по дому? – спросила она.

Он… нет, не нахмурился, только черточка между бровей.

Она лезет в личное? Куда не стоит лезть… Зачем ей?

Но именно сейчас это казалось важно.

– Я не знаю, что ждет меня дома, – сказал Лоренцо. – За такой срок все может измениться. Кикко, моему сыну, было три года… я делал для него деревянных драконов, волков, лошадок и солдатиков, ему ужасно нравилось. Мы устраивали баталии в перистиле, взятие крепостей… Сейчас ему восемь, совсем другие интересы и другая жизнь. Я даже не уверен, что он узнает меня. А жена…

Лоренцо поджал губы, болезненно сморщился, отвернулся. С женой, видимо, там вообще нехорошо…

Мэй молча гладила лисичку по спине и между ушей, словно живую – это успокаивало.

– Фигурки из дерева меня научил вырезать один центурион, Бруно, еще в первый мой поход, в Олсене. Мы попали в осаду под Тарузой, сидели больше трех месяцев, зажатыми на каменистой косе, нас должны были забрать корабли, но корабли не приходили, там… Не важно. Надо было чем-то занять себя, чтобы не сойти с ума, не думать о еде… и о смерти тоже не думать… Бруно учил меня.

– …не думать о смерти… – тихо повторила Мэй, сердце сжалось.

Лоренцо вздрогнул, повернулся к ней.

– Прости, – сказал он, словно сказал что-то не то.

– Этран, – сказала она. – Почти восемь месяцев осады. Я понимаю…

Мэй вышивала чудесных птиц. Сидела у окна и вышивала – птицы, цветы, деревья на своем свадебном платье. Почему-то мысль о свадьбе помогала ей держаться, мысль о новой жизни, о мире, о том, что все будет хорошо, у нее будет семья и она будет счастлива. Дело даже не в Тарине, она почти не знала его. Видела своего жениха несколько раз, а близко – лишь один. Их родители договорились обо всем. Но он ей нравился – такой высокий, красивый, сильный… любая девушка была бы счастлива… примерно ровесник ее брата. Тоже рыжий, чистой крови, только глаза у него зеленые.

Однажды, всего раз, они с Тарином гуляли в саду. Мама сказала – им нужно познакомиться ближе. Тогда Мэй отчаянно стеснялась, не могла даже поднять на него глаза, краснела. А он смотрел на свысока, улыбался, разглядывал ее, и Мэй понимала, что она тоже ему нравится.

Взглянул бы Тарин на нее снова? После всего…

В Этране его не было, как и Дина. Они защищали Лааш и не успели к началу осады.

Мэй вышивала платье и ждала…

У Лоренцо глаза серые, совсем темные в полутьме, в уголках глаз легкие пучки наметившихся морщинок, лицо загорелое, слегка обветренное, выгоревшие на солнце волосы.

Он ведь был в Этране? Наверняка был. Легата, Эдварда Тернера, она помнила, он даже ходил, поначалу, на переговоры, когда еще казалось, что можно договориться. Потом легат уехал, и вместо него остался…

Мэй закусила губу до боли.

– Т-ты… – хотела спросить, но голос дрогнул, сорвался.

– Последние месяцы я руководил взятием Этрана, – ровно сказал он. Что-то напряглось и заледенело в его лице.

Мэй всхлипнула. Резко вскочила.

Нет, взятия крепости она не видела, была уже далеко оттуда. Тогда еще в безопасности.

Сейчас тоже хотелось броситься бежать, куда угодно, куда глаза глядят… но за дверями ждали гильдейские охранники. Они будут стрелять, если она выскочит. Умереть так – глупо…

Нож на столе. Мэй могла бы даже успеть, теперь у нее хватит сил. И она отомстит.

Лоренцо перехватил ее взгляд… сцепил пальцы, словно специально давая ей фору.

Убить.

Он смотрел ей в глаза. Молчал. Не пытался ничего доказать и оправдаться. Не пытался ничего сделать.

Если бы он начал оправдываться, она бы точно убила его. Не стала бы ему верить.

Но он молчал.

Мэй видела, как его руки напряглись, в ожидании, но он не двигался. Ждал. Давая ей возможность решить самой.

Отец сказал как-то: «Не всегда тот, кто открыто сражается с тобой лицом к лицу, твой враг. Он твой противник, вы просто оказались по разные стороны. Дерись с ним, не отступай, но относись с должным уважением, как и он к тебе. Враг тот – кто бьет в спину исподтишка. Успей убить его первой, храни ненависть к нему в своем сердце. Помни».

Отца убили свои же, ей рассказали, как это было…

Лоренцо, тот самый трибун Лоренцо Луци, которого она мельком видела со стен, смотрел ей в глаза.

И маленькая лисичка тоже смотрела, склонив голову на бок, настороженно вытянув нос.

Мэй отошла в самый дальний угол, села на пол, повернувшись к трибуну спиной, обхватила колени руками. Слез не было, только невыносимо болело сердце.

* * *

Утром Лоренцо разбудил ее.

– Вставай, Мэй, – позвал тихо. – Пора завтракать и в дорогу, вещи уже собирают.

У него были мокрые волосы, словно сунул голову в бочку с водой, и красные, от бессонных ночей, глаза.

Она послушно вылезла из постели, пошла за ним. Умылась.

Завтракали молча.

Лоренцо сидел напротив, глядя перед собой, только изредка Мэй ловила его взгляд… и от этого взгляда замирало сердце. Она не понимала. Никто и никогда на нее так не смотрел.

Что-то неправильное с ней происходило.

Она должна была ненавидеть этого Лоренцо, но ненависть выходила какой-то плоской, почти детской обидой, а не по-настоящему. И даже обидой скорее на себя, за то, что Мэй мысленно пытается оправдать этого человека, говоря себе, что это не его вина, это война и так вышло. Но какое может быть оправдание? Никто силой не тянул его на войну. Это у нее не было выбора.

Она привыкла ненавидеть образ, того сурового и упрямого илойца, который отнял у нее все. Образ ненавидеть легко, а вот живого человека, который рядом с тобой, который даже плохого слова ей не сказал – уже сложнее. Там, в Этране, он выполнял свой долг. Ее брат тоже воин, и Дин сражался не только защищая свой дом…

Оправдания…

Лоренцо снова говорил о чем-то с легатом, тихо, чуть в стороне, Мэй не слышала. Она видела, как легат поглядывал на нее, и как Лоренцо хмурился. И так отчаянно хотелось, чтобы он поскорее вернулся и был рядом, потому, что стоять одной, в окружении гильдейских автоматчиков совсем неуютно. А Лоренцо, каким-то удивительным образом, всегда прикрывал ее,

пусть не от всех, но рядом с ним она чувствовала себя почти в безопасности. Удивительно – в безопасности за его спиной.

Так не должно быть…

– Хочешь поехать сама? – спросил он серьезно. – Я дам тебе лошадь. Только держись ближе ко мне, договорились?

– Да, – сказала она твердо.

«Нет» – вдруг так захотелось сказать.

– Только рядом, – сказал Лоренцо. – Постарайся, чтобы никто не вклинился между нами. А то Гильдия уже подумывает прибрать тебя к рукам. Где они раньше были, интересно знать?

Уставший и злой.

И все же, он делал это для нее, а не для себя.

– Что значит, прибрать к рукам? – осторожно спросила Мэй.

– Хотят тебя выкупить. Говорят, возможно, ты ценный трофей и тебя стоит передать официальным властям. Ваш эмир тоже едет в Илой для переговоров, не все условия еще успели обсудить, и, возможно, тебя хотят обменять на кого-то, или на что-то… им виднее. Если ты действительно из знатной семьи, то это имеет смысл. Как думаешь, может быть, стоит тебя отдать?

– Нет!

– Почему? – спросил он. – Ты не хочешь домой?

Хочет, но не так. Она не товар… Нет, дело даже не в этом. Ее жизнь может обойтись слишком дорого, Дин отдаст за нее все… Нет, она справится сама. Ее жизнь – это ее жизнь.

В Илое она сбежит… или…

– Мне нельзя домой, – сказала Мэй. Пусть лучше ложь.

– Хорошо, – сказал он. – Я тебя не отдам, не волнуйся.

Она послушно ехала рядом с ним, не отходя ни на шаг.

Не представляла, что будет делать дальше.

Еще каких-то пару дней назад она сидела в клетке, и уж точно не могла ничего сделать, не могла никого просить.

– Лоренцо… – тихо попыталась она за ужином. – А когда мы приедем в Илой, не мог бы ты сам передать меня эмиру? Без Гильдии, без участия официальных властей? Просто как человек человеку?

Он хмыкнул, посмотрел на нее так странно.

– Просто как человека, меня к нему даже не пустят.

– Всегда можно найти способ! Эмир хорошо заплатит тебе!

– Мэй, – криво усмехнулся он, – если я попытаюсь сделать это в обход илойских властей, с меня потом снимут голову, в самом прямом смысле, за предательство. И никакие деньги мне будут не нужны.

Мэй поджала губы, пытаясь придумать хоть что-то.

– Кто ты ему? – спросил Лоренцо.

Она покачала головой.

Как сказать?

– Я действительно из знатной семьи. Юттар знает меня. Узнает обязательно.

– Хорошо… – Лоренцо со вздохом потянулся, отодвинул тарелку и поднялся на ноги, вставая из-за стола. – Значит, домой ты все-таки хочешь? Боишься условий Гильдии? Боишься, да, – в его глазах скользнул неприятный холод. – И ты думаешь, я поступлюсь интересами Илоя ради тебя?

Голос он не повысил, но все равно вышло страшно. Стоял, смотрел сверху вниз на нее. Усталость, раздражение…

– У Гильдии свои интересы, – тихо сказала Мэй.

Стало совсем не по себе. Сейчас он плюнет на все и отдаст ее. С чего бы ему вообще ее защищать?

– Свои, да. Гильдия играет по своим правилам и в свои игры. И ваш эмир тоже, – раздражение и злость, видно, что давно накопилось. – Какого хрена нас вообще гоняли на войну? Сколько людей погибло… Ради чего? Сразу договорились бы по-тихому! Или старый эмир Эрдо не хотел договариваться? Он был честный и принципиальный человек, так надо было прирезать его сразу, чего тянуть? Честным людям не место у власти. А ваш Юттар быстро нашел с Гильдией общий язык. Ему было, что предложить, да? Что он, душу заложил? Скотина!

Лоренцо отвернулся, отошел к другому углу шатра, подальше, явно пытаясь справиться с собой, все это рвалось наружу… Выплеснулось.

Только он не прав. Не прав… он ничего не знает…

Мэй поняла, что слезы… Глаза щиплет и она ничего не может с этим сделать. Она столько времени пыталась держаться, и тут вдруг не смогла.

Постаралась вдохнуть поглубже. Отвернуться… смешно так пытаясь поднять голову, чтобы слезы не выкатились и не побежали по щекам. Что толку. Дышать ровно. Справиться. Из последних сил. С тех пор… она не плакала даже, когда узнала о смерти родителей, держалась. Так что же теперь?

Лоренцо повернулся к ней.

– Мэй? – удивился он. – Эй, ты чего?

Быстро подошел, остановился рядом, потом и вовсе присел на корточки рядом с ней.

Его глаза совсем близко. И злости в них больше нет, только непонимание и… сочувствие… почти отчаянье.

– Мэй…

Он даже потянулся было погладить ее по плечу, но сразу отдернул руку.

Она мотнула головой.

Сейчас. Она справится.

Шмыгнула носом – чего уж теперь скрывать. Стиснула зубы. И быстро вытерла слезы.

– Все хорошо, – сказала почти твердо.

Справится.

9. Илойский трибун

Кофе уже не действует, только руки начинают трястись.

И голова трещит. Но от головной боли таблетки есть, пока действуют, хоть и не до конца. Ничего.

Со сном хуже.

Есть стимуляторы и посильнее кофе, где-то там даже коробочка завалялась, но Ренцо решил, что сейчас это не выход. Если бы быть уверенным, что – пара дней, и все закончится, можно будет спокойно отоспаться, то хватило бы здоровья попробовать. Ночи на две бы – еще ничего. Дальше… За неделю он однажды посадил сердце… и не только сердце, хорошо еще гильдейские врачи вытащили, поставили на ноги. Но больше такого повторять не хотелось, не мальчик уже, врачи могут и не успеть. Да и не захотеть тоже могут, если он пойдет против интересов Гильдии. А он идет.

До дома – четыре ночи, а что будет потом – сказать сложно, возможно, еще хуже. И уж совсем плохо заявляться домой, после стольких лет, обожравшись стимуляторами, когда нервы совсем ни к черту. Дома дети, вся эта дрянь их касаться не должна. Не стоит втягивать их в личные дела.

Мэй сидела, завернувшись по уши в одеяло.

Подумал, что он ведь охраняет не от нее, не за свою жизнь опасаясь, как в первую ночь. Сейчас она нападать не станет, все изменилось. Теперь он стережет, чтобы никто не пришел за Мэй. Они могут прийти. А потом сказать, что она пыталась бежать и… Нет, мертвая Мэй им не нужна, но он все равно ее потеряет.

Зачем ему это?

Продать Мэй Гильдии – куда проще. И пусть разбираются.

Завалиться спать, наконец, и выспаться? И гори оно огнем? А то голова гудит.

Он подошел, сел рядом.

– Мэй, – позвал ее.

Она обернулась, глядя так настороженно.

– Мэй, я ведь могу тебе доверять?

Она как-то неопределенно пожала плечами. Доверие сейчас – это очень сложно, он понимал.

– Ты не попытаешься сбежать, если я усну? – спросил Ренцо. – Там, снаружи, гильдийцы, они ждут тебя. Ты ведь сама не хочешь к ним, правда?

Она едва заметно улыбнулась.

– Я уже сказала вчера, ты можешь спать, я не сделаю ничего. Здесь это глупо.

– Хорошо, – сказал он. Взял и вытянулся рядом, прямо на земле. – Я посплю тут, мало ли что. Если вдруг кто-то зайдет или ты услышишь шум, то буди меня сразу, договорились? Просто толкай, я проснусь.

– Кто-то зайдет?

Мэй ощутимо напряглась, тревога в ее глазах.

– Если я не хочу отдавать тебя добровольно, то они могут найти другие пути. А потом расскажут мне, что ты сама сбежала. Не стоит давать им повод. И не волнуйся, законных оснований у них пока нет.

Ренцо лежал на спине, глядя на Мэй снизу вверх.

По-хорошему, конечно, стоило заставить ее все рассказать. Он имеет право знать, или уж не ввязываться. Это может дорого ему стоить.

Хотя не ввязываться уже поздно.

Мэй смотрит на него…

Такая красивая, и так близко, что сердце замирает, и даже сон уходит на второй план. Она краснеет под его взглядом, и становится еще прекрасней. Хочется сказать что-нибудь такое простое и приятное, но страшно испугать. С комплиментами у Ренцо всегда были проблемы, правильные слова не выходили… да и с женщинами плохо выходило тоже.

– Ты очень красивая, – сказал он. По крайней мере честно.

У нее дрогнули губы, но она их тут же поджала.

– Я должна как-то расплатиться за твою помощь, да? Ты говорил, что я могу выкупить свою свободу. Чего ты ждешь от меня? Только магии? Или чего-то еще? Как от женщины…

Она запнулась, краска залила щеки окончательно.

– Нет, – сказал Ренцо. – Как от женщины я жду от тебя только понимания. Дома меня ждет жена, и хотеть чего-то от тебя было не честно. Даже не по отношению к тебе, а по отношению к ней. Жена и дети. Так что, только магия, если ты умеешь.

Мэй чуть улыбнулась.

– Умею, – сказала тихо. – Я попробую.

Потом, подумав немного, повернулась к нему, села ближе, потянулась.

– Закрой глаза. Я могу кое-что сделать даже сейчас, если ты не боишься. Я знаю, что в Илое не любят магию…

– Не боюсь, – сказал Ренцо. – В Илое нет магии, только Гильдия.

Глаза он послушно закрыл. Почувствовал, как ее ладонь коснулась его лба – такая нежная и теплая, чуть подрагивающая от волнения.

– Сейчас… Не двигайся, ладно.

– Хорошо.

Справедливости ради, магией можно и убить, Ренцо слышал, как чистокровные джийнарцы могут убивать одним прикосновением. Но, пожалуй, он готов ей доверять. Если хочешь доверия – доверься сам, иначе ничего не выйдет.

Тепло. Мягкое тепло под ее пальцами, оно проникает сквозь кожу, растекается по всему телу. И даже сознание чуть-чуть плывет, что-то происходит. Кажется, он засыпает, и уже ничего не может сделать, даже пошевелиться нет сил. Но так хорошо… Спокойно. И вдруг тепло уходит.

Мэй убрала руку.

– Ну, как? – осторожно спросила она.

Ренцо открыл глаза, моргнул. Словно спал и проснулся, голова больше не болит, невероятная ясность и легкость, какой давно уже не было. Он приподнялся на локтях, огляделся, мелькнула даже мысль, что действительно уснул и проспал несколько часов кряду. Невероятно.

– Голова не болит, – сказал он, пытаясь все осознать. – Ты действительно умеешь.

Ренцо слышал, но вот так, на себе, испытал в первый раз.

– Умею, – Мэй улыбнулась. – Но, наверно, лучше, чтобы никто не знал, у вас это не принято. А тебе все равно стоит поспать, иначе надолго моих сил не хватит. Я могу снять усталость и боль, но не окончательно избавить от нее.

Мэй права, лучше чтобы никто не знал, иначе отобрать ее поводов прибавится. Такие способности даны немногим.

– Спасибо, – сказал он.

Она кивнула, принимая благодарность.

– Ты спи, – сказала она. – Если я что-то услышу, то сразу разбужу тебя, – потом снова завернулась в одеяло, словно в кокон, и легла рядом. – Сегодня я посторожу.

Ренцо облизал губы, невероятным усилием подавил в себе желание обнять ее, прижать к себе.

– Ты удивительная, Мэй.

10. Лисичка

Перед самым Илоем, на рассвете, они ходили мыться на речку. Вместе.

Нет, не вместе, просто… Оба. В одной реке… так вышло. Не может же Мэй не пускать его мыться? А если он уйдет, а она останется одна, то тоже будет не хорошо.

Мэй немного смущалась, но успела привыкнуть, что Ренцо всегда рядом – и днем и ночью. Привыкла и перестала бояться его. Это не было доверием в полной мере, но все же… Мэй сама толком не могла понять. Такая тонкая грань равновесия, когда они еще совсем не друзья, но уже и не совсем враги. Ренцо… да, не Лоренцо даже, это вышло само собой, все звали его так, и Мэй тоже. Ренцо пытался ей помочь. Да, пусть у него были свои цели и свои интересы, но больше рассчитывать ей не на кого. Только Дин, но Дин слишком далеко.

Ренцо не смотрел, пока она раздевалась. Мэй несколько раз бросала быстрые взгляды… Нет, не то чтобы не смотрел совсем, конечно, он старался не упускать ее из виду, но не пялился так откровенно, как гильдейские стрелки. Деликатно. Словно сквозь ее.

Мэй тоже старалась не смотреть. Повернулась только потом, когда он уже стоял по пояс в воде. И, неожиданно для себя, засмотрелась, едва не упустила мыло, которое взяла с собой. Подумала вдруг, что не такой уж он и старый… то есть, совсем не старый… он, конечно, старше нее, наверное, вдвое, но это просто ей еще так мало лет… Мэй покраснела до самых ушей, кое-как отвернулась, но совсем отвернуться не смогла. С ней такое впервые. Так нельзя.

И не то, чтобы что-то новое она видела… и его видела без рубашки – еще в первый день, когда он только забрал ее, когда она пыталась его убить. Но тогда она совсем о другом думала.

Закусила губу и чуть не поскользнулась.

Ренцо махнул ей рукой. Руки у него очень сильные, жилистые, и шрамы на руках. Широкие плечи… А на груди нет шрамов – илойцы носят стальные кирасы… только один шрам, совсем давний, внизу на боку…

– Мэй! Не заходи далеко, течение сильное.

Он улыбался ей, словно понимал все, о чем она думает.

И Мэй краснела еще больше.

А если она оступится в воде, если течение смоет ее? Он поймает? Придет на помощь?

От одной мысли, что он может оказаться рядом, вот сейчас – холодели руки и что-то сжималось в животе, так непривычно. Не страх, что-то другое. Словно она хотела, чтобы он поймал ее.

Если бы он не был илойцем, если бы хоть не он руководил взятием Этрана, пусть был бы простой солдат… если бы он не был женат, если бы она сама не была обещана другому… если бы не случилось всего того, что случилось с ней…

Мэй не хотела об этом думать, но сейчас, вот так, не думать не могла.

Это последнее утро в пути. Вдвоем.

Сегодня вечером Ренцо вернется домой, к вечеру они будут в Илое. А что будет с ней?

* * *

Илой начался издалека, небогатыми пригородами.

Дома появлялись все чаще, деревеньки, все больше людей вокруг.

В город легион не войдет, останется рядом, встанет лагерем, как обычно. Но Ренцо и другие старшие офицеры, те, кто родом из Илоя, у кого здесь семьи, могут уже сегодня вечером отправиться домой.

Ренцо жил не в самом городе, а чуть дальше к побережью. Ехать и ехать…

Было немного страшно.

Вечером, когда остановились и начали раскладывать палатки, как обычно, Мэй долго смотрела, как Ренцо прощался, и дольше всего – с солдатами. Он знал каждого по имени, каждому что-то говорил, пожимал руки, смеялся, кого-то хлопал по плечу. Все вместе они прошли долгий путь. Было видно, что солдаты любили его и ценили, наверно, он был хорошим командиром.

Легату лишь махнул издалека: «до завтра!»

Ночевать Ренцо будет дома, но завтра все равно ждут дела.

Кроме Гильема с ними поехали еще трое солдат.

Город Мэй видела только издалека, проехали мимо.

Сердце колотилось. Все должно измениться. И непонятно, как теперь стоит себя вести. Гильдейской стражи больше не было, теперь Ренцо отвечает за нее самостоятельно. Мелькнула даже мысль – взять и рвануть сейчас прочь! Лошадь у нее быстрая, никто не держит… Но ведь ее все равно догонят, она не знает здешних мест…

После города пошли оливковые и апельсиновые рощи, дома встречались реже, даже не те дома, что раньше – виллы, почти дворцы. У Ренцо такой же?

Мэй ехала рядом. Казалось бы, человек, возвращающийся домой спустя столько лет, должен был счастлив, но он мрачнел все больше. Это из-за нее? Или у него хватает своих проблем?

Вдруг, что-то вспомнив, он повернулся к ней.

– Мэй, завтра рано утром придет человек из Гильдии, наденет на тебя браслет. Они вообще хотели метку на шею, но это слишком серьезно, мне удалось отказаться. А браслет даже я могу с тебя снять, легко. Сама ты не сможешь, он так настроен, но я, как твой… ну, короче, я – могу. Ты не сопротивляйся, не стоит сейчас их злить, а потом мы решим. Хорошо?

Он может снять – как ее хозяин.

Мэй уже видела такие штуки.

– С браслетом они всегда будут знать где я?

– Да. Они считают, что ты можешь представлять ценность, и не хотят потерять. Если я откажусь, они грозились забрать тебя.

– Я понимаю, – тихо сказала Мэй.

Она будет вести себя разумно. Браслет снять легко, даже она сама может. Ренцо не знает, но Дин как-то показывал ей, еще смеялся над непоколебимой уверенностью Гильдии в своих силах. Дин всегда мечтал поставить Гильдию на место, отец злился на него, говорил, что мальчишка, и многого не понимает… Отца всегда сложно было вывести из себя, но Дину удавалось. А теперь ему приходится решать самому…

Другое дело, что если она браслет снимет – в Гильдии узнают, скорее всего.

Не искушать судьбу, не торопиться.

– Сейчас я не смогу быть рядом, Мэй. Когда мы приедем, ты пойдешь с Гильемом, он поможет тебе устроиться, подыщет комнату. Если тебе что-то будет нужно, ты говори ему, он будет рядом.

– Хорошо, – Мэй немного грустно улыбнулась. – Но Гильем боится меня.

– Ты не пугай его, ладно? – серьезно сказал Ренцо. – У него свои представления о мире, но он хороший человек, и сделает все, что я попрошу. Я ему доверяю. Я знаю Гильема с самого детства, мне было четыре года, когда отец привел его в наш дом и приставил следить за мной. Ему нелегко приходилось, что тогда, что сейчас, примерным мальчиком я никогда не был.

– Хорошо, – сказала Мэй.

Она, конечно, не сделает ничего плохого.

Охраны больше нет, только старый слуга, словно она гостья, а не рабыня в доме. Но Ренцо не один…

За поворотом, переехав по мостику небольшой ручей, Ренцо вдруг остановился. Вытянулся в седле, напрягся.

– Что-то случилось?

– Нет, – он качнул головой. – Нет, все хорошо. Мы приехали. Вон, на холме…

Высокий роскошный дом проглядывал сквозь зелень.

– Твой дом? – тихо спросила Мэй.

Ренцо кивнул, и словно собрался с духом. Словно ему нужно было решиться на последний шаг. Легко ударил лошадь пятками в бока.

– Едем, – сказал глухо.

* * *

К дому вела аллея высоких сосен.

Поздний вечер, пока добрались – успело стемнеть, и хозяина не очень-то ждут, никто не встречает.

Лишь когда Ренцо подъехал почти к самому крыльцу, из дверей выскочила девочка, и пожилая нянька за ней.

– Папа!

Девочка стрелой сбежала по ступеням.

Ренцо соскочил с лошади едва ли не на ходу, бросилась вперед, и замер в полушаге. Девочка сама крепко обняла его.

– Ты ведь мой папа, да?

Ренцо присел на корточки рядом. Мэй видела, как он улыбается, счастливо и неуверенно сразу, осторожно.

– Ты ведь Виола?

– Да! Ты мой папа?! Я так ждала тебя!

– Да, – он подхватил ее на руки, и она крепко обхватила его шею, прижалась.

– А мама сказала, что ты завтра приедешь! Но я знала, что сегодня! Я ждала! Мне так хотелось первой тебя увидеть!

Ренцо смотрел на нее, улыбался… разглядывал.

– Я сегодня приехал, тоже спешил увидеть тебя, не хотел ждать. Пойдем в дом?

– Пойдем! Ух… – Виола принялась задумчиво водить маленькими ладошками по его лицу, по волосам, словно исследуя, – какой ты… колючий… а волосы у тебя светлые! А мама говорила, что темные!

– Выгорели немного, – тихо сказал Ренцо, и Мэй почудилось что-то странное в его голосе, – раньше темнее были.

Нянька, застывшая у высоких резных дверей, испуганно прижала руки к груди.

У Виолы тугие каштановые кудряшки, и на Ренцо она не очень-то похожа. Может, на мать?

– А у меня темные, как у дяди Доменико, – весело призналась Виола. – А мама говорит, что у твоего брата, дяди Мариу, такие были, и у бабушки Росы, но я их тоже не видела никогда.

– Да, были, – Ренцо чуть потрепал девочку по волосам, и она засмеялась. – Мама твоя где?

– Мама отдыхает. У нее всегда так много дел! А ты что мне привез?

– Сейчас… – Ренцо перехватил ее одной рукой, а другой полез в карман, достал деревянную лисичку. – Вот, держи. У меня для тебя еще подарки есть, но привезут завтра, вместе с остальными вещами.

– Ух ты, какая! – Виола очень честно обрадовалась, стала разглядывать лисичку со всех сторон. – Как живая! Папа, а это ты сам сделал, да? А я у Кикко видела деревянных драконов, но он их прячет!

– Ну, Кикко, наверно, уже большой, он не играет с такими игрушками.

– Ренцо!

Дверь приоткрылась и на пороге появилась женщина.

Не радость в ее голосе, а, скорее, такое требовательное приветствие, желание немедленно обратить внимание на себя.

Молодая, красивая… ей, наверно, около тридцати, или чуть меньше, она старше Мэй, конечно, но куда моложе своего мужа. Роскошная. Было в ней что-то по-настоящему женственное, мягкое и одновременно изящное, почти непередаваемое, что Мэй слегка уколола зависть. Королева. И даже волосы, цвета спелой пшеницы, уложены, словно корона, вокруг головы.

Она окинула Ренцо взглядом свысока, неторопливо спустилась по мраморным ступеням.

– Лене… – Ренцо поставил Виолу на землю, шагнул вперед.

– Мы ждали тебя завтра, – сказала женщина. Все еще стояла на две ступеньки выше. – Уже так поздно.

– Ты ждала? – сарказм в его голосе. – Я решил не затягивать, раз уж ты совсем заждалась.

Она улыбнулась, все так же снисходительно, шагнула еще на одну ступеньку к нему, потянулась, поцеловала в щеку.

– Я так рада, дорогой, – в ее голосе едкая насмешка.

– Не так, – он сгреб ее в объятья, прижимая к себе, жадно поцеловал в губы. Только вот радости и нежности в этом не было ни капли. Мэй подумала, что так, наверно, целуют шлюх – по-хозяйски, властно, с одним только желанием получить свое.

Лене не сопротивлялась, но и не пыталась обнять в ответ, с чувством неизбежности.

– Пойдем в дом? – сказала она, когда Ренцо закончил и отпустил ее.

– Сейчас.

Он обернулся, вернулся, подойдя ближе к Мэй.

– Гильем! – велел он. – Подыщи сеньорите подходящую комнату, сделай все, как я тебя просил.

– Да, сеньор, – Гильем кивнул, поглядывая на Мэй с опаской.

«Сеньориту»?

– Что это за девка? – грубо поинтересовалась Лене.

– Заложница, – бросил Ренцо через плечо, не оборачиваясь. – Гильдия проследит за ней.

– Так и отдай ее Гильдии! Мне не нужна дикая джийнарка в доме.

– Это мой дом.

Ренцо умел говорить, почти не повышая голоса, но так резко и жестко, что не оставалось сомнений – будет так, как он сказал.

Он говорил для жены, но смотрел Мэй в глаза. И в его глазах была только усталость.

– *Ничего не бойся,* – тихо по-джийнарски сказал он. – *Если что-то не так, ты сразу говори Гильему, а он передаст мне. Хорошо? И отдыхай.*

– *Хорошо*, – так же по-джийнарски сказала она.

Гильем провел ее в дом через боковой вход, не вслед за Ренцо, а другим путем. Дом просто огромный, светлый, пол из лаорского мрамора, мягкие ковры, изящные вазы с цветами. Ничего излишнего, вычурного, хозяева не пытались произвести впечатление, у них и так было все, что только можно желать.

Мэй отвели небольшую комнату, удивительно уютную. Так, словно она гостья здесь, а не пленница. Но нет… все равно охрана у дверей – один из солдат, приехавших с ними, остался за дверью.

Ей принесли воды, умыться с дороги, принесли печенье, немного хлеба и сыра на ужин, молока… И домашнее илойское платье – переодеться. Молча, только осторожно улыбаясь. Здешние слуги, наверняка, думают, что она не знает языка.

Мягкая удобная кровать. Мэй и забыла уже, как спать на кровати. Присела на краешек…

Одна.

Впервые за долгое время она осталась одна. И совсем никого рядом.

Потом встала, обошла комнату по кругу, потрогала, посмотрела все, выглянула в окно – там сад апельсиновые деревья. Можно даже выскочить и убежать, не так уж высоко…

Было одиноко.

11. Хозяин дома

– Ренцо!

Она выпрыгнула в окно, в траву, так легко и грациозно, подошла. Босиком, но в новом платье. Золотоволосая утренняя нимфа.

Ведь сбежит же еще. Надо, наверно, охрану поставить.

Рассвет едва тронул небо, все спят. Только он сидит на скамейке у фонтана в саду, апельсины вокруг… Ушел от всех и сидит.

– Ренцо… – тихо шепнула нимфа, осторожно присела рядом на край скамейки.

Он невольно улыбнулся.

– Ты чего не спишь, Мэй?

– Не спится. Я плохо сплю на новом месте. А ты?

– И мне не спится, – сказал он.

– У тебя красивый дом… и дочка… тоже очень хорошая.

Ренцо усмехнулся невесело, но, как-то удивительно – стало легче.

– Этот дом построил мой отец, – сказал он. – Ему, в свое время, удалось подняться от мелкого провинциального землевладельца до народного трибуна, сколотившего свою коалицию в Сенате. Он удачно купил долю в железных рудниках, удачно вложил в торговлю… у него всегда была эта деловая жилка, как и у Лино. У меня нет, я так никогда не смогу. Потом дом перешел моему старшему брату, а после смерти Лино, десять лет назад, – мне. Но я здесь почти не бываю, меня вечно носит черт знает где…

– Почему? Разве ты не хотел остаться?

Вздохнул.

Все это слишком сложно, чтобы объяснить.

Пока Лино был жив, Ренцо считал, что военная карьера – единственно возможная для него. Война – это то, что он умел. От отца ему досталась квартира в инсуле с небольшим садом на Эсквилинском холме и плантации винограда под Алерой, где он поставил управляющего и успокоился на этом. Тихая Алера нравилась ему, и временами Ренцо приезжал туда пожить на пару месяцев, когда не было других дел. В коммерческие вопросы он предпочитал не лезть. А вот на войне сначала все удавалось… потом, правда, выяснилось, что с таким характером выше трибуна не подняться, но он и не стремился, его все устраивало. Жизнь казалась понятной и легкой в те времена.

А вернувшись из Тай-да-Каата, еще в первый раз, он узнал, что Лино мертв. Брата убили совсем недавно, зарезали темным вечером в переулке, недалеко от Субуры, и уже не понять, что там произошло. Ренцо пытался докопаться, кое-что нашел даже, и у него волосы дыбом вставали, когда он понимал, что за люди в этом деле замешаны. А потом, внезапно, женился…

Увлечение Лене было сродни помешательству, он не замечал ничего вокруг, ни о чем другом не мог думать. Наваждение. Она была так молода и так умопомрачительно прекрасна… Она и сейчас прекрасна, конечно. Но тогда Ренцо был готов на все, чтобы получить ее. Он встретил Лене на приеме, в доме ее отца, в саду, она стояла у куста алого гибискуса, беседуя о чем-то с подругой, и так мимоходом улыбнулась ему. И Ренцо попал.

Он влюбился без памяти, честно веря, что Лене любит его тоже. Поему бы и нет? Он сам был молод, красив, к тому же – герой, только вернувшийся с победой… богат… Вот богат – это да. Отец Лене, Витторио Моретти, все оценил правильно. Со свадьбой не тянули.

И первые месяцы Ренцо даже был счастлив… а потом что-то пошло не так.

Когда он узнал, что Витторио, пусть и косвенно, но причастен к смерти его брата, Лене была беременна, а он сам еще страшно влюблен. Ренцо подергался, попытался что-то предпринять, отомстить даже, но в итоге малодушно сбежал в Тай-да-Каат. Он прекрасно понимал, что

брат никогда не был бедной овечкой в этом деле, что Лино, как и отец, вел такие дела, какие куда опаснее любых войн. Грязные дела, порой. Но прибыльные.

Как можно мстить отцу безумно любимой женщины? Она рыдала и валялась у Ренцо в ногах. Нет, он еще надеялся увести Лене с собой, подальше от всего этого, начать жизнь заново. Ему дали место при посольской миссии, обещали деньги и безопасность, там спокойно можно было жить с семьей, по крайней мере, еще несколько лет до новой войны, потом тихо уехать, или, хотя бы, увести их. Но Лене только посмеялась. Она вышла замуж за младшего Луци не для того, что бы мотаться по диким и дальним странам. Она желала быть хозяйкой здесь, в этом доме, в Илое. А Ренцо может проваливать, если ему этого хочется… Нет, тогда она сказала ему не так, мягче. Такими словами, прямо – уже позже. Возможно, обида говорила в ней, возможно, беременной женщине действительно было бы тяжело вдали от дома – Ренцо не спорил, и… он уехал, надеясь, что Лене передумает, что приедет к нему, он звал ее в каждом письме.

Потом, годы спустя, в очередной ссоре, Лене сказала ему, что никогда не любила, и вышла замуж только из-за денег и по воле отца. Сейчас сложно судить. Скорее всего, так и было, если оглянуться, и посмотреть на все уже здраво.

В Джийнар его выставили почти силой, поставили вопрос так, что отказаться было нельзя. Тогда он пытался развестись с Лене, хотел оставить ей дом и обеспечить содержание… но ей нужно было все. Он мог бы обвинить ее в измене и выставить на улицу, но дети… Кикко было всего три, а Виола должна была родиться вот-вот, и тогда еще Ренцо не мог сказать наверняка…

К черту.

На войне проще. Там противника можно просто убить.

Мэй тихо сидела на скамеечке рядом.

– На войне проще, – устало сказал он.

Мэй покачала головой.

Ренцо не спорил, у нее своя правда.

– Здесь красивый вид с холма, поля и город вдали. Хочешь, пойдем, я покажу тебе?

Он поднялся первым и, как-то не задумываясь, протянул ей руку, приглашая.

Она тоже встала, улыбнулась, сделав вид, что не заметила руки.

– Пойдем.

Но отказываться не стала. Пошла рядом с ним. Рассветное солнце играло в ее волосах… И такая злая, циничная мысль – вот опять его тянет к молоденьким девочкам, кобель старый, но ничем хорошим это не кончится, жизнь его совсем не учит. И надо уже что-то менять.

– Ты родился здесь? – спросила Мэй.

– Нет, я родился в Алере, тогда этот дом только строился. Мне исполнилось два года, когда мы переехали сюда. Сада тогда не было, только дом и пустырь вокруг. Апельсины мы сажали вместе с Лино, он копал ямы, а я держал саженцы, потом поливали. Отец всегда настаивал на том, что мы должны все делать сами, он говорил, что мужчина не должен бояться запачкать руки в земле. Конечно, садовники у нас тоже были, но и нам доставалось работы. Мне нравилось. Потом долго ждали, пока деревца вырастут, пока впервые зацветут. Мне казалось, наши апельсины – самые вкусные во всем мире. Я помню, мама всегда хотела устроить тут цветники и настоящий парк, но отец настоял на том, чтобы был сад.

Это приятно вспомнить.

Сколько лет прошло… деревья выросли огромные, такая красота…

– А сколько тебе лет? – спросила Мэй.

Так своевременно.

– Тридцать восемь. А тебе?

– Девятнадцать, – сказала она.

Вдвое, значит.

– Да? Я думал, даже меньше.

Мэй улыбнулась, пожала плечами. Она, и правда, выглядит как ребенок, Ренцо дал бы не больше шестнадцати. Но и к лучшему.

– Дин всегда смеялся надо мной, – сказала она, – что такую малявку никто замуж не возьмет…

Осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

– Дин?

– Мой брат, – едва слышно сказала она.

Много ли это даст? «Дин»… Но ведь это тоже не официальное имя, поди узнай, кто он на самом деле. Дингир – скорее всего, «ветер», или Олдин – «ясень», но подобные имена мало значат для посторонних. Так и подмывало спросить сколько лет брату, тогда больше зацепок, но прямые вопросы опасны, она закроется снова. Не прямо, пусть разговорится сама… Значит, старший брат, если «малявку». Надо покопаться в списках джийнарских родов. Брат и сестра, в Этране этой зимой… не так уж и сложно?

«Малявка»! Ренцо едва ли не снизу вверх смотрел на нее. Впрочем, они же отчасти уграты, этот Дин, небось, выше на две головы.

За апельсиновой рощей – небольшая смотровая площадка, отсюда открывается невероятный вид. Дом стоит на холме, а там дальше внизу раскинулось озеро, и даже Илой виднеется где-то вдали. Верхом – меньше часа.

Мэй подошла, задумчиво положила ладони на мраморную балюстраду, вглядываясь в горизонт.

– Красиво, – сказала она. Глаза блестели, ей действительно нравилось.

Она расслабилась немного… и отчего бы не попробовать. Надо уже что-то решать.

– У меня тоже был старший брат, – сказал Ренцо, – Лино… Мариу. Но он погиб десять лет назад.

Почти запрещенный прием, Ренцо понимал, но уж если дело начало хоть немного сдвигаться, если о брате она сказала сама, пусть и случайно, то, может быть, скажет еще. Надо понять, что делать с ней, что делать с Лене, с детьми, со всем этим. Со всем сразу. Там, вдалеке от дома, еще казалось, что все как-нибудь образуется само… Не образуется.

Он немного подтянулся, запрыгнул и сел на балюстраду, потом перекинул одну ногу на ту сторону.

– Что ты делаешь? – спросила Мэй.

Ренцо пожал плечами.

– Детская привычка. Я всегда любил тут сидеть… мама только ругалась.

Глянул на нее осторожно, искоса. Любопытная лисичка.

Мэй долго не решалась, но все же.

– А где твои родители сейчас?

– Мама умерла почти пятнадцать лет назад, несчастный случай в море, – сказал Ренцо. – А отец пережил ее на полгода, просто не смог один. Мы с Лино остались вдвоем, ему пришлось разом брать на себя все дела отца, поначалу было нелегко, но он справился… он вообще сильный был и умный, не то, что я…

Лино бы не стал, как Ренцо, бегать от проблем, он давно бы уже все решил.

Это чистая правда, и все равно оставалось ощущение, что Ренцо обманывает ее. Ведь специально. Откровенность за откровенность.

Мэй поджала губы… долго не решалась.

– Мои родители погибли в Этране, – сказала она.

Это он, в целом, понимал.

– А брат? – спросил осторожно.

Мэй вздрогнула, глянула на него.

– Мэй, если ты хочешь, чтобы я помог тебе, то должен знать больше, – сказал Ренцо. – Иначе мне не справиться.

Она покачала головой, отвернулась.

Не скажет. Гордая… а может, просто не знает сама.

– Что ты собираешься делать? – спросил Ренцо. – Сбежать?

Она нахмурилась.

– Ты думаешь, я позволю тебе сбежать? – спросил Ренцо. – Если ты сбежишь, Гильдия мне не простит. Ты представляешь ценность для них, но легального способа отобрать против моей воли у них пока нет. Но это не значит, что они позволят отпустить. Отдать им тебя – куда проще. В противном случае – я рискую. И мне бы очень хотелось понимать, хотя бы, ради чего и чем. Кто ты? Насколько все серьезно?

– Серьезно, – сказала она. – Ты вправе поступать, как знаешь. Я не могу просить тебя рисковать.

Очень серьезно.

– Мэй…

Она покачала головой снова. Легко запрыгнула на парапет рядом с ним, села, болтая ногами.

– Жаль, что тут не высокая скала, – сказала она. – Я бы прыгнула и разбилась насмерть. А, может, и к счастью. Знаешь, я даже не знаю, чего боюсь больше: того, что Дин будет готов пожертвовать всем ради меня, что будет готов отдать даже больше, чем он вправе отдать. Или того, что он отвернется от меня, и интересы… – она замялась, вздохнула, – интересы многих для него будут важнее. Так должно быть… он обязан пожертвовать мной.

Интересы государства, значит.

Пожертвовать сестрой во благо интересов всего народа и не поддаться на провокации Гильдии.

Понимание пронзило внезапно.

– Тьяра, – тихо позвал Ренцо.

Она резко обернулась, глаза разом стали огромные, полные ужаса, а щеки белые, как снег.

Имэйдаль Тьяра Айлангьяри.

12. Лисичка

Гильдиец пришел к полудню. Ренцо успел известись весь, хоть и старался не подавать виду, но Мэй отлично видела. Ему нужно было ехать в Илой, но оставлять Мэй одну, позволять, чтобы браслет надели в его отсутствие – Ренцо не мог.

Теперь – точно не мог.

Теперь он знал. И там, на смотровой площадке, он долго беззвучно ругался, отвернувшись. Мэй даже думала, сейчас он плюнет на все и отдаст ее Гильдии, не станет связываться. И будет прав, потому, что это точно не его проблемы и не его ответственность.

– Что теперь? – осторожно спросила она еще там, сидя на парапете.

– Если я стану помогать тебе, – он криво ухмыльнулся, – меня обвинят в предательстве.

Она понимала.

Но как быть ей самой? Просто ждать чем все обернется? Сегодня придет человек из Гильдии, и заберет ее?

Но допустить такое Мэй не может. Это значит, поставить Дина под удар.

Вниз – крутой склон холма, не обрыв, конечно, но сбежать будет не просто… она удержится на ногах? Должна. А бегает она быстро, словно ветер… А там озеро внизу, заросли кустарника. Рискнуть? На ровной дороге, наверно, убежать шансов было бы не много, но здесь…

Ренцо сидел отвернувшись вполоборота.

Худшее, что он сделает – поймает… может быть, ударит ее, но этого она не боится. Не убьет же. Потом все равно передаст Гильдии.

Рискнуть.

Другого такого шанса может не быть.

Собраться с духом.

Собраться…

Сейчас!

Мэй перемахнула через балюстраду в мгновение ока, соскочила, понеслась вниз.

– Стой! – слышала за спиной. Слышала, как он рванулся за ней тоже, но оборачиваться некогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.